

Любовь приведет их к смерти

КЭТРИН ПАРДИ

ЛУНА
КОСТЯНОЙ
ВОЛШЕБНИЦЫ

Кэтрин Парди
Луна костяной волшебницы
Серия «Young Adult. Запретная магия»
Серия «Костяные
волшебницы», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66486398
Парди, Кэтрин. Луна костяной волшебницы: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-159448-0

Аннотация

Костяные волшебницы помогают сохранить равновесие между мирами. Они переправляют души умерших в другой мир, чтобы не сеять хаос среди живых.

Аилесса с ранних лет готовилась стать главной костяной волшебницей. Теперь ей предстоит пройти жестокий обряд посвящения. В полнолуние девушка должна убить того, кому предназначалось стать ее возлюбленным.

Бастьен давно жаждет отомстить волшебницам за смерть своего отца, который стал жертвой их ритуала. Но когда он выследил Аилессу, все идет не по плану – теперь его судьба зависит от нее.

Содержание

Восемь лет назад	6
1. Сабина	10
2. Аилесса	28
3. Бастъен	48
4. Сабина	61
5. Бастъен	71
6. Аилесса	88
7. Сабина	94
8. Аилесса	100
9. Бастъен	111
10. Сабина	120
11. Аилесса	135
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Кэтрин Парди

Луна костяной волшебницы

Bone Crier's Moon

Kathryn Purdie

© Норицына О., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2021

* * *

*Посвящается Сильвии, Карине и Агнес за четыре
незабываемых лета*

Восемь лет назад

Туман окутывал отца Бастьена, пока он уходил от своего единственного ребенка. Мальчик приподнялся на коленях в тачке.

– Куда ты, папá?

Но он ничего не ответил. Свет полной луны в последний раз осветил каштановые волосы Люсьена, прежде чем туман поглотил его.

Оставшись в одиночестве, десятилетний Бастьен опустил-ся на землю и попытался успокоиться. В голове одна за дру-гой всплывали истории о головорезах и разбойниках, про-мышлявших на лесных дорогах. «Не бойся, – сказал он се-бе. – Папá бы предупредил меня, если бы была какая-то опас-ность». Но отца и след простыл, и Бастьена вновь охватили сомнения.

За городскими стенами пустая тачка не укроет от опасно-сти. А когда Бастьен вдруг слышал странный шорох, напо-минающий призрачный шепот, у него по коже побежали му-рашки. Ветки деревьев показались ему скрюченными костя-ми, а страх перехватил дыхание.

«Я должен последовать за папá сейчас», – подумал он, но ночной холод уже проник в кости, наполняя их тяжестью свинца. Бастьен задрожал и прижался к скульптурам из из-вестняка, лежащим в тачке. Тирус, бог Подземного мира, на

лице которого застыла усмешка, уставился на него в ответ. Отец Бастьена вырезал эту статуэтку несколько месяцев назад, но все еще не продал ее. Люди предпочитали покупать изображения бога Солнца и богини Земли. Они поклонялись жизни и пренебрегали смертью.

До Бастьена донеслась мелодия. Ритмичная. Дикая. Печальная. Как тихий плач ребенка, жалобный крик птицы или душераздирающая баллада о потерянной любви. Музыка разливалась внутри его, до боли прекрасная. Она казалась такой же красивой, как женщина, стоявшая на мосту. И вскоре он, как и его отец, последовал на зов музыки.

Дымка плотного тумана тянулась с моря Нивоус. Легкий ветерок играл кончиками темно-янтарных волос женщины. Подол ее белого платья колыхался в воздухе, обнажая стройные лодыжки и босые ступни. Чарующая музыка лилась из белой, словно кость, флейты, которую она прижимала к своим губам. Так почему же Бастьен не сразу узнал этот образ?

Женщина положила флейту на парапет, как только Люсьен добрался до нее на середине моста. Лунный свет, пробравшийся сквозь туман, придавал их фигурам неземное сияние.

Бастьен застыл, не в силах больше сделать ни шагу. Может, ему снился сон? Может, он просто заснул в отцовской тачке?

Но вдруг отец и женщина начали танцевать.

Ее движения были медленными, захватывающими, граци-

озными. Она скользила сквозь дымку тумана, словно лебедь по воде. Люсьен не сводил взгляда с ее темных, как ночь, глаз, и Бастьен тоже. Но стоило танцу закончиться, как он очнулся от наваждения. Что, если он *не спал*?

Его взгляд вновь скользнул к белой, словно кость, флейте. И страх опалил живот горячими углями. Неужели флейта *действительно* сделана из кости?

Легенды о Костяных волшебницах вдруг вспыхнули в голове, а следом загрели предупреждающие колокола. Рассказывали, что женщины в белых платьях бродили по окрестностям Галле. Отец Бастьена не верил в суеверия и не страшился переходить мосты в полнолуние, но, видимо, зря. Потому что сейчас его очаровали, как и всех людей в легендах. И все истории звучали одинаково. Мост, танцы... и то, что случилось потом. А значит, и сейчас...

Бастьен бросился вперед.

– Папа! Папа!

Но отец, который обожал его, носил на плечах и пел колыбельные, даже не оглянулся на сына.

Костяная волшебница уже схватилась за свой костяной нож. Она прыгнула вперед – выше, чем любая косуля, – и со всей силы всадила клинок прямо в сердце Люсьена.

Гортанный крик, вырвавшийся у Бастьена, больше напоминал вопль взрослого мужчины. А в его груди образовалась невероятная пустота, которую он станет лелеять годами.

Вбежав на мост, он рухнул рядом с отцом и взглянул на

женщину, смотревшую на него с притворной печалью в глазах. Она оглянулась на другую женщину, стоявшую на другой стороне моста, та быстро поманила ее рукой.

Первая женщина поднесла окровавленный костяной клинок к ладони, словно собиралась порезать ее, чтобы завершить ритуал. Но, бросив последний взгляд на Бастьена, она бросила нож в лес и унеслась прочь, оставляя мальчика рядом с телом убитого отца и уроком на всю жизнь:

«Верь всем историям, что слышишь».

1. Сабина

Сегодня идеальный день для охоты на акул. По крайней мере, так утверждает Аилесса. Хватая ртом воздух, я карабкаюсь вверх по скале, пока она ловко перепрыгивает с одного выступа на другой. В лучах утреннего солнца ее каштановые волосы вспыхивают цветом красного мака, а пряди разлетаются от порыва морского ветра, когда она ловко взбирается на очередной выступ.

– Знаешь, что бы сделала настоящая подруга? – Я хватаюсь рукой за известняк и пытаюсь отдышаться.

Повернувшись ко мне, Аилесса смотрит на меня сверху вниз. Кажется, ее нисколько не напрягает ненадежность опоры под ногами.

– Настоящая подруга бросила бы мне свой кулон.

Я кивнула на изящный костяной полумесяц, который болтается среди маленьких ракушек и бусин в ее ожерелье. Он вырезан из кости альпийского горного козла, на которого мы охотились в прошлом году далеко на севере. Он стал первой жертвой Аилессы, но именно я выстругала из его ребра кулон, который подруга теперь носит. Я лучший резчик по кости, чем она, и Аилесса спокойно относится к моим издевкам, в том числе потому, что это единственное, в чем я лучше ее.

Воздух тут же наполняется моим самым любимым звуком

в мире – ее смехом. Он звонкий, без капли сдержанности и снисходительности. И я тут же начинаю смеяться в ответ. Хоть и понимаю, что смеюсь сейчас над собой.

– Ох, Сабина. – Она вновь спускается ко мне. – Видела бы ты себя! Ты совсем выдохлась.

Я шлепаю ее по руке, хотя и знаю, что она права. Мое лицо горит, а по вискам скатываются капельки пота.

– Знаешь, очень эгоистично с твоей стороны делать вид, будто этот подъем не сложнее подъема по лестнице.

Аилесса принимает обиженный вид, надувая губы.

– Ох, прости.

Она прижимает руку к моей спине, чтобы поддержать меня. И я сразу же расслабляюсь. Да и высота в десять метров уже не кажется такой большой.

– Даже представить себе не могу, каково обладать шестым чувством акулы, – продолжает она. – Как только добуду ее изящные кости, то смогу...

– ...Ощущать, кто находится поблизости, и стать лучшей Перевозчицей из Леурресс¹ за последние столетия, – бормочу я.

Все утро она говорила только об этом.

Аилесса ухмыляется, а ее плечи трясутся от смеха.

– Давай я помогу тебе подняться. Мы почти добрались.

Она даже не думает отдать мне свой кулон в виде полу-

¹ Слово Leurres, взятое автором за основу для обозначения Костяных волшебниц, с фр. переводится как приманка, ловушка.

месяца. Все равно он мне ничего не даст. Благодатью может воспользоваться лишь та охотница, которая наделила кость силой животного. Иначе Аилесса уже давно подарила бы мне все свои кулоны. Она прекрасно знает, как я ненавижу убивать.

С ее помощью оставшийся путь на вершину я преодолеваю с легкостью. Она подсказывает, куда наступить, и подает руку, если видит, что я не могу дотянуться до выступа. И при этом продолжает болтать о том, что ей удалось узнать об акулах: об их превосходном обонянии, великолепном зрении даже в полутьме, мягком скелете, состоящем из хрящей... Аилесса планирует выбрать для кулона благодати один из зубов, потому что они очень твердые и прослужат всю жизнь. К тому же в них столько же особого минерала, что и в костях, а значит, они с легкостью пропитаются акульим чутьем.

Когда мы наконец добираемся до вершины, мои ноги дрожат от усталости. Но Аилесса не собирается останавливаться на отдых. Она устремляется к противоположному краю утеса, останавливается у самого обрыва, нависающего над морем, и визжит от восторга. Легкий ветерок обдувает ее короткий облегающий сарафан с единственной бретелью. А на правой руке до самого предплечья переплетены тонкие нити ожерелья. Этот наряд идеально подходит для плавания. Обычно поверх него Аилесса надевает длинную белую юбку, но сегодня утром, перед тем как отправиться в путь, она специально сняла ее.

Разведя руки в стороны, она принимается разминать пальцы.

– Что я говорила? – кричит Аилесса. – Сегодня прекрасный день. И почти нет волн.

Я присоединяюсь к ней, но останавливаюсь в паре шагов от края и смотрю вниз. Примерно четырнадцать метров вниз находится лагуна, окруженная такими же, как этот, известняковыми утесами. И поверхность воды лишь слегка рябит от слабого ветра.

– А акулы?

– Дай мне минутку. Я видела здесь раньше несколько особей рифовых пород.

Ее глаза цвета жженой умбры слегка прищуриваются в попытке разглядеть акул в глубине под водой. Эту способность ей дает кость благодати, полученная от сокола.

Соленые брызги щекочат мне нос, когда я осторожно наклоняюсь вперед. Но стоит вдохнуть опьяняющий морской бриз, как я теряю равновесие и поспешно отступаю подальше от края. Аилесса же стоит неподвижно, а ее тело застыло, словно камень. Мне прекрасно знакомо это хищное и в то же время терпеливое выражение ее лица. Она способна выждать свою добычу часами. Аилесса просто рождена для охоты, ведь ее мать Одива – *matrone*² нашей *famille*³ – наша величайшая охотница. Не удивлюсь, если отцом Аилессы был

² Матрона, мать – *фр.*

³ Семья – *фр.*

какой-нибудь искусный солдат или капитан. А вот мой, вероятно, садовником или аптекарем. Тем, кто умел врачевать или выращивал растения. Вот только эти навыки не ценятся у Леурресс.

Мне не следует интересоваться нашими отцами. Все равно нам их не узнать. Одива не разрешает женщинам нашей *famille* говорить о мертвых *amoué*, избранных мужчинах, души которых прекрасно дополняют наши. Ведь нам, новичкам, когда-нибудь и самим придется приносить жертвы, и будет намного проще, если мы не станем привязываться к тем, кому суждено умереть.

– Попалась! – Аилесса указывает на темное пятно рядом с отвесной стеной утеса.

Но я ничего не вижу.

– Уверена?

Она кивает, сгибая руки в предвкушении.

– Тигровая акула, королева хищников! Представляешь, как повезло? А я уже боялась, что тебе придется нырять вместе со мной, чтобы отпугивать других рифовых акул, привлеченных ароматом крови.

Я с трудом сглатываю возникший в горле ком, представляя себя в роли приманки. К счастью, никто не решится приблизиться к тигровой акуле. Ну, кроме Аилессы.

– О, Сабина, – восхищенно вздыхает подруга, – она такая прекрасная... и крупная. Даже больше мужчины.

– Она?

Пусть Аилесса и обладает зрением сокола, но даже ей не заглянуть *сквозь* кожу.

– Только женщина может быть такой великолепной.

Я усмехаюсь.

– Говорит та, что еще не встречала своего *amouré*.

Аилессу, как и всегда, забавляют мои циничные высказывания.

– Если я заполучу зуб акулы, то он станет моим третьим кулоном, а значит, я встречу своего *amouré* в следующее полнолуние.

Моя улыбка слегка омрачается. Все Леуррессы должны заполучить три кости благодати, чтобы стать Перевозчицей. Но это не единственное условие. И именно мысль о последнем удерживает меня от продолжения разговора. Аилесса так непринужденно говорит об обряде посвящения и о человеке, которого ей придется убить... *человеке*, а не существе, которое не кричит, когда его жизнь обрывается. Но ее снисходительность естественна. Это я отличаюсь от всех Леурресс. Потому что не могу спокойно воспринимать все, что нам приходится делать, чтобы оплатить цену, запрашиваемую богами за безопасность этого мира.

Аилесса вытирает ладони о платье.

– Нужно поспешить. Акула разворачивается в сторону устья лагуны. И мне никогда не поймать ее, если придется бороться с течением. – Она указывает на маленький песчаный пляж внизу. – Встретимся там, ладно? Я вытащу тушу

на берег, когда одолею акулу.

– Подожди! – Я хватаю подругу за руку. – А вдруг тебе не удастся это сделать?

Да, я сейчас говорю, как ее мать, но это должно быть сказано, на кону жизнь моей лучшей подруги. И эта охота отличается от тех, что раньше устраивала Аилесса. Не уверена, что стоит подвергаться такой опасности ради чутья акулы. Может, следовало выбрать кость другого животного?

На ее лице мелькает удивление. Ведь обычно я поддерживаю ее во всех начинаниях.

– Я смогу одолеть акулу. Большинство из них ведут себя вполне спокойно, если не чувствуют для себя опасности.

– То есть охотница, прыгнувшая на нее со скалы, не считается опасностью?

– Это лучше, чем плыть от берега. Мне никогда за ней не угнаться в воде.

– Не в этом дело!

Аилесса скрещивает руки на груди.

– Охота *всегда* связана с опасностью. И вот в чем дело! Животных, обладающих наилучшими качествами, *всегда* сложно убить. Иначе все мы давно носили бы беличьи кости.

Меня тут же пронзает обида. И я невольно сжимаю крошечный череп, свисающий с вошеного шнура до груди. Моя единственная кость благодати.

Глаза Аилессы округляются.

– Я не имела в виду твою кость, – осознав свою ошибку,

бормочет она. – И не хотела тебя обидеть. Огненная саламандра намного лучше грызуна.

Но я не поднимаю глаз от земли.

– Саламандра даже меньше грызуна. И все прекрасно знают, насколько легко было ее убить.

Аилесса берет меня за руку и долго не отпускает ее, прекрасно осознавая, что акула уплывает.

– Но *тебе* это далось нелегко. – Наши пальцы почти соприкасаются, и ее кремовая кожа выделяется на фоне моей оливковой. – Кроме того, огненная саламандра обладает даром быстрого исцеления. Ни одной Леуррессе до тебя не хватило мудрости обрести эту благодать.

По ее словам, убийство саламандры кажется умным ходом. Но правда заключается в том, что Одива так сильно давила на меня, заставляя отправиться на первую охоту, что от отчаяния я выбрала существо, которое вызывало у меня меньше всего жалости. Но это не сработало. Я проплакала несколько дней и не смогла притронуться к ее тельцу. Аилесса за меня ошпарила ее тушку и очистила кости, чтобы я могла сделать ожерелье. Она предложила мне использовать позвонки, но, к ее удивлению, мой выбор пал на череп. Потому что именно эта кость не давала забыть о саламандре и навевала мысли о ее жизни. И это показалось мне лучшей данью уважения, которую я могла ей оказать. Но я так и не смогла заставить себя вырезать на черепе какие-либо узоры. Но Аилесса никогда не спрашивала меня об этом. Она нико-

гда не заставляет меня говорить на неприятные мне темы.

– Тебе лучше бы убить эту акулу, – вытерев нос рукой, говорю я.

Если кому и удастся сделать это, то только ей. А я постараюсь не думать об опасности.

Она улыбается моей любимой улыбкой, которая обнажает все ее зубы, и у меня просыпается чувство, что жизнь – одно длинное приключение, причем настолько увлекательное, что даже Аилессе не к чему придаться.

Она отстегивает копьё со спины. Мы сделали его вместе, соединив толстую палку и ее костяной нож. Как и все ритуальное оружие, клинок вырезан из костей оленя и символизирует вечную жизнь. Аилесса отступает на несколько шагов, сжимая древко копья, и, разбежавшись, прыгает со скалы.

Ее прыжок завораживает. Кость из крыла сокола не дарует ей умения летать, но помогает парить и преодолевать большие расстояния.

Вскрикнув от переполняющих эмоций, Аилесса сводит руки над головой, чтобы пробиться сквозь поверхность воды. Тело вытягивается в струну до самых пальцев ног, и через мгновение она ныряет в волны головой вперед. И ее погружение не вызывает большого всплеска.

Я подползаю к краю обрыва и, прищурившись, всматриваюсь в воду в поисках Аилессы. Неужели ей не хочется вдохнуть воздуха? Может, она решила первой напасть на акулу?

Наверное, подруга посчитала это удачной возможностью застать хищницу врасплох.

Я ожидаю, пока голова Аилессы не покажется над поверхностью воды, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее. И невольно начинаю отсчитывать каждый удар. *Восемь, девять... тринадцать, четырнадцать... двадцать один, двадцать два... сорок семь...*

Аилесса обладает двумя костями благодати: от горного козла и сокола. Но ни первая, ни вторая не даровали ей возможность задерживать дыхание так долго.

Шестьдесят три.

Я присаживаюсь на корточки и перегибаюсь через край.

– Аилесса?! – кричу я.

Вода бурлит. Но никто не появляется над ее поверхностью.

Семьдесят пять.

От волнения пульс ускоряется до нескольких ударов в секунду, я сбиваюсь со счета. Вряд ли она пробыла под водой так долго. Возможно, прошло секунд тридцать. Или сорок.

Восемьдесят шесть.

– Аилесса!

Девяносто два.

Я жду, пока голубая вода окрасится кровью. Но кому она будет принадлежать?

Сто.

Прокляв всех богов, я бросаюсь вниз с обрыва.

Только в воздухе я понимаю, что лечу ногами вниз. Вытянувшись в струнку, я пытаюсь прижать руки к телу, но они все же ударяются о поверхность воды. Боль тут же пронзает тело, вырывая изо рта стаю пузырьков, а вместе с ними и воздух, который так мне необходим. Закрыв рот, я оглядываюсь по сторонам. Вода прозрачная, но соль щиплет глаза. Кость саламандры никак мне не помогает, потому что она пресноводное существо. Повернувшись вокруг своей оси, я пытаюсь рассмотреть подругу. А через мгновение до меня доносятся слабые звуки борьбы.

В нескольких метрах подо мной Аилесса и акула сражаются за свои жизни.

Хищница сжимала древко копья подруги в своей пасти, при этом на ее шкуре не виднелось ни одного пореза. А Аилесса болталась, как тростинка на ветру, не желая выпускать свое оружие.

Выкрикнув ее имя, я начала задыхаться. Поэтому мне пришлось подняться на поверхность, чтобы глотнуть немного воздуха, прежде чем снова погрузиться на глубину.

Подгоняемая злостью, которая бурлила в венах, и страхом, порожденным отчаянием, что сжимал мое сердце, я бросилась к ним, даже не подумав, что стану делать дальше. *Аилесса не должна умереть. Моя лучшая подруга не должна умереть.*

Морда тигровой акулы пугает до дрожи. Заостренные зубы. Глаза без век. И плоский нос, из-за которого она выгля-

дит еще более голодной. С чего Аилесса взяла, что сможет ее одолеть? Почему я позволила ей прыгнуть?

Древко ее копы не выдерживает и ломается пополам в зубах акулы. Костяной нож тут же уходит на дно. А у Аилессы в руках остается лишь палка не больше метра длиной. Но она смело тычет ею в пасть акулы, едва уворачиваясь от ее страшных зубов.

Поняв, что акула меня не замечает, я тянусь за кинжалом, но ножны так разбухли от воды, что мне не удастся вытянуть его. Так что я просто со всей силы пинаю акулу в бок. Та в ответ лишь сильно хлещет хвостом. Тогда я хватаюсь руками за жабры и пытаюсь вырвать их. И это, наконец, привлекает внимание хищницы. Она огрызается в мою сторону, едва не задев мне руку, а затем уплывает в сторону кораллового рифа.

Аилесса медленно подплывает ближе. Сломанное древко копы выскальзывает из ее пальцев, потому что у нее не осталось сил его удержать. «Всплываем!» – выкрикиваю я и показываю вверх. Ей нужен свежий воздух.

Подруга пытается взмахнуть ногами, но у нее ничего не выходит. Я хватаю ее за руку и тяну вверх. Но все же силы оставляют ее за секунду до того, как мы выныриваем на поверхность. Она судорожно хватается воздух и выплевывает воду, а я начинаю стучать ее по спине, чтобы выбить остатки.

– Сабина... – выдыхает Аилесса, смаргивая повисшие на ресницах соленые капли. – Я почти одолела ее. Но она такая

сильная. Я не ожидала, что она настолько сильна. — Аилесса опускает голову и смотрит в воду.

Даже без соколиного зрения я понимаю, что делает акула — кружит вокруг, медленно приближаясь к нам. Она играет с нами. Знает, что способна убить нас в любой момент.

Я тут же устремляюсь к берегу.

— Давай же, Аилесса. Нужно убираться отсюда. — Я тащу подругу за собой. — В следующий раз мы найдем жертву лучше.

Она снова кашляет.

— Но кто может быть лучше акулы?

— Ну, может, медведь? Давай отправимся на север, как в прошлом году, — бормочу я, пытаюсь уговорить ее уплыть отсюда.

Но подруга даже не пытается мне помочь, хотя с каждым кругом акула все ближе и ближе подбирается к нам.

— Моя мать убила медведя, — говорит она так, словно Оди-ва убила не редкого альбиноса, а какую-то зверушку, которую можно встретить в Галле на каждом углу.

— Тогда придумаем что-нибудь еще. Но сейчас мне нужна твоя помощь. — С каждым вздохом я устаю все сильнее. — У меня не хватит сил тащить тебя всю дорогу.

Я чувствую, как мышцы Аилессы начинают сжиматься, когда она начинает грести. Но тут ее глаза сужаются, а подбородок напрягается, и она разворачивается в воде.

Нет, нет, нет.

— Я вспомнила, куда вонзилось копьё, — воскликнула она. — Подожди!

И снова ныряет под воду.

Меня охватывает ужас. Но все же бросаюсь вслед за Аилессой. Иногда я ненавижу свою подругу.

Глаза вновь жжет от соленой воды, прежде чем мне удастся разглядеть, как Аилесса устремляется вперед. Акула перестает кружить и смотрит прямо на нее. Уверена, на лице подруги появилась усмешка, но она не успеет достать копьё достаточно быстро. А тигровая акула, как любая хищница, нападет первой. Значит, ее нужно отвлечь.

Стараясь ускориться, я принимаюсь грести быстрее. И моя единственная кость благодати придает мне сил: саламандры плавают в воде гораздо лучше, чем соколы, горные козлы или люди. Вот мое единственное преимущество.

Обгоняя Аилессу, я на мгновение встречаюсь с ней взглядом в надежде, что шестнадцать лет дружбы помогут ей распознать мои намерения.

Она кивает в ответ. И мы расплываемся в разные стороны. Я сворачиваю к коралловому рифу, а она устремляется ко дну.

Акула преследует не меня, а Аилессу. Ведь именно она напала на нее.

Добравшись до кораллов, я начинаю царапать о них ладони. Кожу тут же начинает жечь от соленой воды, а кровь вырывается из ранок, клубясь вокруг, словно дым. Добившись

своего, я пытаюсь вытащить кинжал из ножен, но его лезвие все еще не хочет поддаваться. И тут я замечаю среди кораллов большой камень. Он острый и зазубренный, по всей видимости, это обломок, упавший от утеса. Я тут же хватаю его.

За метр до Аилессы акула поворачивается в мою сторону и смотрит на меня сквозь кровавое облако. И на мгновение мой мир сужается до ужасающей хищницы, застывшей в шести метрах от меня. Я едва замечаю, как Аилесса погружается все ниже, чтобы добраться до копья.

Теперь я цель акулы. Ее хвост ударяется об воду, словно молния.

Я готовлюсь нанести удар. Я свирепа. Сильна. Бесстрашна. Как Аилесса.

Мгновение спустя передо мной возникает ужасающая морда акулы, и я тут же ударяю ее по носу, но мне не удается сдержать приглушенного стога. Я совсем не похожа на Аилессу.

Камень едва царапает морду хищницы. Она дергается в сторону и задевает головой мою руку. Камень вылетает из пальцев. Вот только в этот раз акула не уплывает, а делает два круга вокруг меня. Ее тело скользит так близко, что один из плавников задевает мое плечо. И так быстро, что голова и хвост сливаются в единое пятно. Она готовится нанести свой удар. Но я пользуюсь скоростью саламандры и ныряю ей под брюхо в надежде схватить камень. Жаль, что это мне не удастся.

Я поднимаю глаза и вздрагиваю. Потому что прямо над головой вижу разинутую пасть акулы с бесчисленным количеством острейших зубов. Я бью ее по носу, но она не отступает. Видимо, не считает меня опасной.

Ее челюсти захлопываются, и мне не удается отскочить в сторону достаточно быстро. Так что в ее зубах застревает кусок моего платья. А затем она принимается пережевывать ткань, притягивая меня ближе. Я брыкаюсь и извиваюсь, смотря, как открывается ее рот. Передо мной оказывается огромный темный туннель ее внутренностей. В легких не остается воздуха, а у меня – выбора, поэтому я в отчаянии хватаюсь за рукоять кинжала. И, наконец, лезвие вырывается на свободу.

Замахнувшись, я вонзаю нож в морду акулы, а после в глаз. Она принимается бешено метаться из стороны в сторону. Мой рукав не выдерживает и рвется, но в ткани остается один из ее острых зубов. Остается лишь молить богов, чтобы этой кости оказалось достаточно Аилессе. Но чтобы передать свою благодать, животное должно умереть.

Пока акула крутится и вертится на одном месте, я выныриваю на поверхность, чтобы глотнуть воздуха. Но, сделав три вдоха, вновь погружаюсь под воду.

Спаси Аилессу, спаси Аилессу, спаси...

Я тут же замираю, когда подо мной расцветает красное марево. Мое горло сжимается. В голове просыпаются пугающие мысли одна хуже другой, но тут сквозь кровь выплывает

Аилесса с древком копья в зубах. Я спешу вслед за ней на поверхность. И, откинув с лица мокрые черные кудри, смотрю в глаза подруги.

– Ты ее убила?

Она вытаскивает древко изо рта. На ее руке кровоточит порез, полученный во время схватки.

– Я не смогла вонзить клинок так, чтобы достать ее мозг, поэтому отрезала ей спинной плавник.

К горлу тут же подступает тошнота. А красное марево в воде расплзается все шире. Акула, барахтающаяся под нами, ужасно ранена, но все еще жива. А значит, в любой момент может всплыть и прикончить нас.

– Аилесса, хватит. Отдай мне копьё.

Подруга колеблется и с тоской смотрит вниз. Уверена, она сейчас упрямо задерет подбородок. Но этого не происходит.

– Она твоя, если хочешь, – наконец выдавливает Аилесса.

Я отшатываюсь в сторону.

– Нет, я не это имела в виду.

– Я сильно ранила ее, Сабина. Акула слаба и почти ослепла. Убей ее.

Я ничего не отвечаю, продолжая смотреть на подругу. И тогда Аилесса подплывает поближе.

– Я отдаю тебе ее... еще одну кость благодати. Уверена, убийство этого монстра не разобьет тебе сердце.

Я представляю уродливую морду акулы. Вспоминаю, как она трепала Аилессу, пытаясь разделаться с ней. В хищнице

нет и капли величественности горного козла или великолепия сокола. В ней даже нет и доли очарования огненной саламандры. Так что я вряд ли буду скорбеть, если она умрет.

Но означает ли это, что она заслуживает смерти?

– Я... не могу. – Несмотря на холод, пробирающий тело из-за долгого пребывания в воде, щеки начинают краснеть. – Прости.

Аилесса долго смотрит на меня. И я начинаю злиться на саму себя за то, что отвергла самый щедрый подарок, который она когда-либо предлагала мне.

– Не извиняйся.

Она умудряется растянуть на лице улыбку, несмотря на стучащие зубы.

– Мы добудем тебе другую кость благодати, когда ты будешь готова.

И уверенно сжав нож в руке, Аилесса ныряет под воду.

2. Аилесса

Холод пробирается по коже, когда мы с Сабиной спускаемся по осыпающейся каменной лестнице Шато Кре и проходим через ворота в развалины древнего замка. Эту крепость построил первый король Южной Галлии, и много лет здесь правили его потомки, пока последний представитель его рода, король Годарт, не умер от руки недруга. Местные жители считают, что он до сих пор бродит по этим землям. Мы с Сабиной не раз слышали, как они говорили о старых временах, когда ехали по изрытым колеями дорогам, проходящим за городскими стенами. Они не замечали, как мы сидели на ветках деревьев или прятались в высокой траве. Но нам не обязательно скрываться возле Шато Кре. Местные никогда не осмеливаются сюда зайти. Они считают это место проклятым. Первый король поклонялся старым богам – нашим богам, – а люди из всех сил стараются делать вид, что Тируса и Элары никогда не существовало.

Моя забинтованная рука горит и пульсирует. Я случайно задела ее ритуальным кинжалом, пока отрезала плавник акулы. Меня все еще злит то, насколько тяжело оказалось убить эту хищницу. И я боялась, что боги не сочтут ее смерть достойной. Но обошлось. Я получила благодать от акулы, когда взяла одну из костей и приложила ее к раненной руке.

Рядом со мной Сабина несет на плече мешок с акульим

мясом. Она уверенно сжимает в кулаке затянутую веревку, так как порезы от коралловых рифов почти зажили. Подруга считает свою кость благодати, полученную от саламандры, жалкой, но этот выбор оказался очень умным. Но она все еще сожалеет, что убила зверушку. Однажды она поймет, что предназначена для этой жизни. Я знаю Сабину лучше, чем она сама.

Мы ныряем под упавшие балки и полуразрушенную арку. Леуррессы могли бы укрепить замок, но моя мать предпочитает, чтобы он выглядел заброшенным и зловещим. Ведь стоит сделать наш дом красивым, как сюда потянутся люди. А Леуррессы привлекают кого-то лишь один раз в жизни.

Я поправляю ожерелье на плече и провожу пальцем по самому большому из акульих зубов – моей новенькой кости благодати. Остальные зубы я оставила как часть украшения, которое придаст мне грозный вид, когда я начну перевозить мертвых. Как только пройдет мой обряд посвящения, я, наконец-то, смогу присоединиться к перевозчикам и начну выполнять их опасную работу.

– Нервничаешь? – спрашивает Сабина.

– С чего мне нервничать? – Я одариваю ее улыбкой, пытаясь скрыть свое беспокойство.

Мать одобрит это убийство. Я такая же умная, как и Сабина.

Я ощущаю присутствие подруги за своей спиной. Нас разделяет шагов десять. Восемь. Семь. И по мере ее приближе-

ния шестое чувство, которое я так желала заполучить, усиливается и начинает меня раздражать. Так что я устремляюсь вперед, чтобы Сабина не увидела разочарование на моем лице. Если она решит, что я нервничаю, то тоже начнет нервничать.

Мы спускаемся все ниже и ниже, пробираясь в глубь Ша-то. Коридоры, облицованные камнем и украшенные гербом короля Годарта с изображением ворона и розы, уступают место туннелям, появившимся из-за морских приливов. Сейчас в них нет воды, но в стенах, словно призраки, цепляющиеся за прошлое, мерцают перламутровые раковины.

Вскоре туннель приводит к огромной пещере. Я моргаю, пытаюсь привыкнуть к яркому солнечному свету, отражающемуся от известняка. Когда-то над этим местом возвышалась великолепная башня, но она не устояла под натиском морских штормов. И после смерти Годарта она рухнула, обрушившись на потолок пещеры и проломив его. Именно поэтому Леуррессы поселились в этом замке. Нам необходимо видеть над головой небо. Первая половина нашей силы дарована костями мертвых, но вторая половина подпитывается от ночных небес Эллары. И если мы проводим слишком много времени в помещении, а не под светом луны и звездами богини, то наши силы уменьшаются.

На огромном пространстве пещеры, которое мы называем внутренним двором, расположилось около двадцати женщин, девушек и девочек. Вивьен несет свежевыведанную

шкуру оленя. Элоди развешивает на подставке только что изготовленные свечи, чтобы они затвердели. Айла изготавливает на ткацком станке белое полотно для церемониальных одежд. Малышки Фелис и Лизетта несут корзины с одеждой для стирки. Роксана и Пернелль уже постарше и сейчас тренируются в углу со своими боевыми посохами. Остальные Леуррессы, скорее всего, отправились на охоту, собирать ягоды и травы или занимаются домашними делами в глубине Шато.

Айла поднимается из-за ткацкого станка и встает у меня на пути. Ее рыжие брови хмурятся, пока она изучает ожерелье на моем плече. Я поджимаю губы, стараясь спрятать улыбку. Она не смогла распознать убитое мной животное по его зубам.

– Вижу, вы удачно поохотились, – говорит она. – Вот только это заняло у вас очень много времени. Вы пропадали почти две недели, девочки.

«Девочки», – произносит она, задирая нос, хотя старше Сабины всего на четыре года, а меня и вовсе на три. Айла прошла обряд посвящения в восемнадцать лет, а мне сейчас семнадцать, да и набор костей благодати у меня лучше.

Я расправила плечи. До сих пор ни одна из Леурресс не убивала акулу. Наверное, потому что им не помогала такая подруга, как Сабина.

– Охота прошла великолепно, – отвечаю я. – И даже лучше. Поэтому мы не торопились.

Сабина украдкой смотрит на меня. На самом деле мы отсутствовали так долго, потому что я все время меняла свой выбор. Я хотела заполучить такую кость благодати, чтобы она не только внушала благоговение и трепет, но и усилила мой набор из трех кулонов, давая возможность посоперничать с ожерельем матери, состоящим из пяти, что разрешено только *matrone*.

Сморщив нос, Айла смотрит на мешок с сырым мясом в руках Сабины. Да уж, вонь стоит ужасная. Как только поприветствую маму, сразу же отправлюсь стирать платье подруги. Это меньшее, что я могу для нее сделать. Она сама настояла на том, чтобы нести мешок из-за моей раненой руки, но я не сомневаюсь, что она не станет есть акулье мясо вместе с остальными.

– Ты в очередной раз отправилась на охоту с Аилессой и вернулась без новых костей благодати? – Айла выразительно смотрит на череп саламандры Сабины.

А я стискиваю зубы так, что они начинают скрипеть.

– Айла, неужели я слышу в твоем голосе зависть из-за желания оказаться на ее месте? – Я поворачиваюсь к подруге. – Расскажи, насколько тебе понравилось сражаться с *тигровой акулой*.

Мой громкий голос эхом разносится по двору, привлекая внимание к нашему разговору.

Сабина вздергивает подбородок.

– Никогда купание в море не доставляло мне столько удо-

вольствия.

Сдержав усмешку, я обнимаю подругу за плечи, и мы устремляемся вперед, оставляя позади безмолвную Айлу. Женщины нашей *famille* подходят к нам, одаривая нас вдохами, поздравлениями и объятиями.

Гиацинт, старейшая из Леурресс, обхватывает мое лицо старческими руками.

– Ты унаследовала свирепость своей матери, – говорит она, сверкнув полуослепшими глазами.

– Об этом судить лишь мне. – В мягком голосе Одивы слышны властные нотки.

Я едва сдерживаю улыбку. Женщины тут же расступаются перед *matrone*, но, почувствовав, что Сабина решает последовать их примеру, я касаюсь руки подруги, и она замирает на месте. Она знает, что придает мне уверенности.

– Мама, – склонив голову, приветствую я.

Одива шагает по каменному полу, не издавая ни единого шороха, отчего создается впечатление, будто она скользит над ним. Вокруг ее сапфирового платья кружат сверкающие пылинки, напоминая звезды на небе. Но что действительно поражает, так это ее ожерелье благодати. Кулон из кости медведя-альбиноса, вырезанный в форме когтя, раскачивается среди настоящих когтей медведя на ее трехъярусном ожерелье вместе с зубами ската-хвостокла. А когти и перья филина напоминают эполеты на ее плечах. Среди них также есть кость благодати, вырезанная в виде когтя. А еще у мамы есть

корона, сделанная из позвонков асписовой гадюки и черепа гигантской вечерницы – огромной летучей мыши. Кости прекрасно оттеняют волосы матери цвета воронова крыла и ее белую, словно мел, кожу.

Я не шелохнулась, пока ее черные глаза скользили по моему ожерелью. Закончив осмотр, она поддевает пальцем самый большой из зубов.

– Какую благодать ты получила от тигровой акулы, ради чего решила подвергнуться такой опасности? – произносит она небрежно, но ее красные губы поджимаются в неодобрении.

Ее *famille* – единственная *famille* в этом районе Галлы – с годами сократилась до сорока семи женщин и девочек. Так что поиски благодати не должны ставить нашу жизнь под угрозу.

Раньше наша *famille* была намного больше, но пятнадцать лет назад на землю обрушилась Великая чума. И сражение за переправу ее бесчисленных жертв убило половину наших сестер. А остальные пали под натиском болезни. С тех пор мы изо всех сил стараемся контролировать население Южной Галлы. Хотя нас теперь мало, мы остаемся избранницами богов и основоположницами рода. И другие Леуррессы по всему миру не смогут переправлять своих мертвецов без нас. Наши силы связаны.

– Обостренное обоняние, улучшенное зрение в темноте и шестое чувство, помогающее определить, кто находится ря-

дом, – говорю я заготовленный заранее ответ.

И только собираюсь добавить «плавание, охотничьи инстинкты и свирепость», как встречает мама:

– Все эти благодати я получила от ската.

– Кроме способности видеть в темноте, – поправляю я.

– Не так уж она тебе и нужна. У тебя есть кость крыла сокола. Ее достаточно для улучшения зрения.

Между собравшимися Леуррессами проносятся шепотки одобрения. У каждой из Перевозчиц есть кость животного – в основном птицы, – дарующая улучшенное зрение и возможность видеть дополнительный цвет. Цвет смерти.

Я скрещиваю, но тут же опускаю руки, борясь со вспыхнувшей защитной реакцией.

– Но акула оказалась невероятно сильной, мама. Ты не представляешь, насколько она сильна. Она застала *нас* врасплох.

Уверена, Одива не сможет оспорить тот факт, что мне не помешает сила к моим костям благодати. И теперь она у меня есть, вместе со свирепостью и уверенностью. Вот только мать уловила лишь одно слово.

– *Нас?*

Я на мгновение опускаю глаза.

– Сабина... помогла мне.

Я тут же чувствую, как подруга застывает рядом. Она ненавидит привлекать к себе внимание. А сейчас все взгляды Леурресс устремлены к ней, и при этом взгляд моей ма-

тери самый тяжелый.

Когда Одива вновь переводит взгляд на меня, выражение ее лица остается таким же спокойным, как воды в лагуне. Но под этой маской бурлит что-то столь же свирепое, как акула. Но она злится на меня, а не на Сабину. Она никогда не сердится на Сабину.

Леуррессы замолкают, и тихий шепот моря наполняет пещеру, словно мы оказались в гигантской раковине. Мое сердце колотится в такт ударяющим о берег волнам. Никто не запрещает принимать помощь от другой Леуррессы во время охоты, но это не одобряется. Еще минуту назад это никого не волновало – потому что убийство такой грозной хищницы затмило этот факт, – но красноречивое молчание мамы наталкивает на определенные мысли. Я едва сдерживаю вздох. Что еще мне сделать, чтобы произвести на нее впечатление?

– Аилесса не просила меня о помощи. – Голос Сабины звучит тихо, но спокойно. Она опускает мешок с акульим мясом и складывает руки на груди. – Но я испугалась, что у нее закончится воздух. Поэтому поддалась страху и нырнула вслед за ней.

– И жизнь моей дочери действительно оказалась в опасности? – склонив голову набок, спрашивает Одива.

– Не больше, чем ваша собственная, когда вы отправились убивать медведя с ножом и одной-единственной костью благодати на ожерелье, *matrone*, – тщательно подбирая слова, отвечает Сабина.

В ее голосе нет и капли иронии, а лишь смиренная и убедительная правда. Когда Одива отправилась на охоту за медведем, ей, как и мне сейчас, было семнадцать. И без сомнений, она сделала это, чтобы что-то доказать своей матери. Моей бабушке, которую я едва помню.

Брови мамы приподнимаются, и она подавляет улыбку.

– Отлично сказано. Тебе следовало бы поучиться у Сабини, Аилесса. – Ее взгляд встречается с моим. – Возможно, обладай ты таким же красноречием, то смогла бы обуздать свое извечное желание провоцировать меня.

Я стискиваю челюсти, чтобы скрыть свою обиду. Сабина бросает в мою сторону полный извинений взгляд, но я не сержусь на нее. Она ведь пыталась защитить меня.

– Да, мама.

Как бы я ни старалась доказать свою ценность как будущая *matrone* нашей *famille*, мне не хватает простых добродетелей, которыми от природы обладает моя подруга. И мама постоянно норовит мне указать на это.

– Оставьте нас, – приказывает она другим Леуррессам.

И те, поклонившись, тут же возвращаются к своей работе. Сабина направляется за ними, но мама жестом останавливает ее. Хотя ее слова предназначены мне.

– Полнолуние через девять дней.

Напряжение, сковывающее грудную клетку, отступает, и я делаю глубокий вдох. Она имеет в виду мой обряд посвящения. А значит, приняла мои кости благодати – все до единой.

– Я готова. Более чем готова.

– Гиацинт научит тебя песне сирен. И ты попрактикуешься на деревянной флейте.

Я усердно киваю головой. Все это мне уже известно. Я даже выучила наизусть песню сирены. Гиацинт играет ее по ночам. А иногда и плачет после этого, и ее рыдания сливаются с эхом морских приливов. Песня сирены так прекрасна.

– Когда я смогу получить костяную флейту?

Нервы гудят при мысли о скорой возможности прикоснуться к ней. Я застыла в паре шагов от мечты, к достижению которой стремилась с самого детства. Скоро я буду стоять рядом с моими сестрами Леуррессами, и вместе с ними стану использовать свои благодати, чтобы провожать души умерших через врата Тируса и Элары.

– Неужели действительно нужно ждать полнолуния?

– Это не игры, Аилесса, – возмущается мама. – Костяная флейта не какая-то игрушка для призыва твоего *amouré*.

Я перекатываюсь с носков на пятки.

– Да, я знаю.

Игра на костяной флейте также открывает Врата в ночь переправы, а вслед за ними открываются другие врата по всему миру. Где бы ни жили люди, они умирают, и их души необходимо переправлять в подземное царство. А без костяной флейты никто из умерших здесь или в дальних землях не сможет перейти в загробную жизнь.

Одива едва заметно качает головой, словно я все еще

непослушная девчонка, которая бегала по Шато Кре и приставала к каждой Перевозчице с просьбой позволить примерить их ожерелья. Но с тех пор прошло много лет. Я повзрослела, поумнела и завладела собственными тремя костями благодати. И готова совершить последнее убийство.

Мама подходит ближе, и мое шестое чувство обрушивается на меня, как молот на наковальню.

– Ты уже решила, будешь ли пытаться родить ребенка?

Жар опалает кончики моих ушей. И, покосившись на мгновение на Сабину, замечаю, что она тоже покраснела. Видимо, разговор продолжится на унижительную тему. А ведь мама никогда не обсуждала со мной интимные отношения. И все, что мне известно, я узнала от Жизель, которая провела целый год, наполненный страстью, со своим *amouré*, прежде чем убить его. К сожалению, это не подарило Леуррессам еще одну дочь – ну или сына, если уж на то пошло. Хотя рождение мальчика нечто неслыханное. И теперь все Леуррессы смотрят на Жизель по-другому, словно она неудачница и достойна лишь жалости. Она же воспринимает все совершенно спокойно, но ей все равно не позавидуешь.

– Конечно буду, – заявляю я. – Я осознаю свой долг, как твоя наследница.

Сабина нервно переступает с ноги на ногу рядом со мной. Потому что знает правду. Я не намереваюсь рожать наследницу. Мама вынуждена будет смириться с моим решением,

когда я убью своего *amoué* на мосту. А когда мне перейдет титул *matrone*, выберу наследницу из нашей *famille*. Да, я разорву цепь правящей династии моей матери, но это никак не повлияет на Леурресс. Им придется принять мой выбор, потому что мне никогда не хватит сил познакомиться с молодым человеком – а Тирус и Элара, конечно же, не наградят меня старым *amoué* – возможно, влюбиться в него, а затем убить. Это кажется мне чересчур жестоким. Так что остается лишь одно. Принести в жертву обещанного мне *amoué* сразу после встречи. Как и у всех Перевозчиц до меня, мой обряд посвящения станет клятвой богам, моим обещанием разорвать узы верности этому миру и посвятить жизнь переправе душ в загробную жизнь. И если я смогу устоять перед своим *amoué*, то мне хватит сил сопротивляться последнему зову сирены – песне Загробного мира.

Мама скрещивает руки на груди.

– Тогда прислушайся к моему совету, Аилесса. Постарайся забеременеть, не привязываясь сильно к своему *amoué*, несмотря на то, каким красивым, умным или любезным он окажется. – Ее взгляд устремляется куда-то вдаль, туда, куда я не могу последовать. – Как бы трудно ни оказалось удержаться от подобных эмоций, предаваясь страсти.

Она думает о моем отце? Мама никогда не упоминала его имени, да и вообще упоминала о нем лишь вскользь.

– Я устою перед ним, – уверенно отвечаю я.

Когда-нибудь я стану возглавлять нашу *famille* так же уве-

ренно и преданно, как Одива, но при этом буду показывать свою глубокую и безусловную привязанность к каждой Леуррессе. Наверное, мама планировала поступать так же, но после убийства моего отца воздвигла вокруг своего сердца толстую стену. И она не единственная из Леурресс, кто страдает от утраты *amoué*. Не удивлюсь, если именно поэтому Гиацинт плачет по ночам. Потому что, сыграв песнь сирены на своей деревянной флейте, она всегда шепотом произносит имя своего возлюбленного.

Замешкавшись, Одива опускает руку мне на плечо. Я вздрагиваю от ее прикосновения, а в горле образуется ком от неожиданного прилива эмоций, вызванного этим жестом.

– Без Леурресс, – говорит она, – мертвые бродили бы по земле среди живых. А их не упокоенные души сеяли бы хаос среди смертных, которых мы поклялись защищать. Наша задача – сохранять равновесие между двумя мирами – земным и подземным. Боги наградили нас возможностью родиться Леуррессами. И для нас великая честь стать Перевозчицей. Уверена, ты станешь достойнейшей из них, Аилесса.

Безмятежное лицо мамы расплывается перед глазами от навернувшихся слез.

– Спасибо, – едва слышно выдавливаю я хриплым голосом.

На большее меня не хватает. И сейчас мне больше всего хочется, чтобы она обняла меня. Но если это когда и происходило, то я этого не помню.

Вот только стоит мне поддаться желанию придвинуться ближе, как она резко отстраняется. Я смаргиваю слезы и быстрым движением утираю нос, а мама в это время поворачивается к Сабине, которая явно чувствует себя неловко из-за нашего разговора.

– Ты станешь свидетельницей Аилессы на обряде посвящения.

– Что? – тихо охнув, выпаливает Сабина.

Это известие удивляет и меня. Обычно свидетельницами выступают старшие Леуррессы.

Одива приподнимает подбородок Сабины и улыбается.

– Ты доказала свою непоколебимую преданность моей дочери даже перед лицом смерти. И заслужила это право.

– Но я еще не готова. – Сабина отступает на шаг назад. – У меня всего одна кость благодати.

– Это не имеет значения, – встречаю я, чувствуя, как внутри все трепещет от возбуждения. – Тебе же просто нужно присмотреть за мной. Свидетельницам не позволено вмешиваться.

Этот обряд – испытание только для меня.

– Аилесса моя наследница, – добавляет Одива. – Боги защитят ее.

Удовольствие от этих слов разливается по моим рукам и ногам, хотя мама даже не смотрит на меня.

– И тебе, Сабина, останется лишь нести священную летопись. Но кто знает, вдруг этот обряд вдохновит тебя на сбор

собственных костей благодати.

Напряжение, проступившее на лице подруги, явно говорит о том, что она сильно сомневается в этом.

– Я была терпелива с тобой, – тихо вздохнув, продолжает Одива. – Но пришло время принять себя такой, какая ты есть – Леуррессой, а в дальнейшем и Перевозчицей.

Сабина дрожащими пальцами заправляет за ухо выбившийся локон.

– Сделаю все, что в моих силах, – шепчет она.

Конечно, предполагается, что мы должны сами решиться на сбор благодатей и прохождение обряда посвящения в Перевозчицы. Но правда в том, что от нас именно этого и ждут. Никто в нашей *famille* не осмеливался отречься от той жизни, которую мы ведем. Если только она не умрет вместе со своим возлюбленным, как это сделали Ашена и Лилиан.

Одива выпрямляется и смотрит на нас сверху вниз.

– Я хочу, чтобы вы ответственно отнеслись к подготовке к полнолуннию.

– Да, *matrone*, – отвечаем мы с Сабиной в унисон.

– А пока отнесите акулье мясо на кухню и скажите Майе, чтобы она приготовила его к ужину.

– Да, *matrone*.

Недоверчиво изогнув бровь, Одива оставляет нас. Я поджимаю губы и дожидаюсь, пока она пересечет двор и начнет разговор с Айлой, а затем поворачиваюсь к Сабине и радостно вскрикиваю.

– Ты станешь моей свидетельницей! – Я хватаю подругу за руки и начинаю трясти их. – И отправишься на обряд вместе со мной! Я даже не мечтала о такой удаче.

Она морщится от визгливых ноток в моем голосе.

– Разве могу я отказаться от возможности посмотреть, как ты убиваешь мужчину своей мечты?

Я хихикаю.

– Не переживай. Я не стану мешкать и устраивать представления. Ты едва заметишь, как это произойдет.

Вот только перед глазами почему-то появляется образ тигровой акулы с отрезанными плавниками, от которого я быстро избавляюсь.

– А что, если твой *amouré* окажется прекраснее, чем ты себе представляешь? – Сабина нервно переступает с ноги на ногу. – Не уверена, что ты сможешь устоять перед таким красавчиком. Ты же пускаешь слюни даже на самых уродливых мальчишек, за которыми мы шпионим на дороге.

– Неправда! – Я бью подругу по руке.

И наконец она начинает смеяться вместе со мной.

– Уверена, твой *amouré* окажется на голову ниже тебя и будет вонять серой и пометом летучих мышей.

– Все лучше, чем исходящий от тебя запах.

Сабина открывает рот, но тут же ухмыляется.

– Такого я от тебя не ожидала, Аилесса. Ведь это тебе взбрело в голову взять с собой акулье мясо.

Усмехнувшись, я поднимаю мешок с земли, не обращая

внимания на боль в руке.

– Знаю. Пошли.

Сабина нехотя отправляется вслед за мной к восточному туннелю, ведущему на кухню.

– Надеюсь, твои раны вновь начнут кровоточить.

Она кивает на веревку, стягивающую мешок, что я сжимаю в ладони, а затем толкает меня плечом. И мы снова начинаем хихикать.

Но когда мы скрываемся в туннеле, где нас не смогут услышать другие Леуррессы, Сабина замедляет шаг.

– Уверена, что не хочешь родить дочь? Вдруг ты в старости пожалеешь об упущенной возможности?

Я пытаюсь представить, как оказываюсь в одной постели с мужчиной. Помогут ли мне в этом полученные благодати? Что я почувствую, когда его потомство начнет расти внутри меня, пока не станет настолько большим, что попросится наружу?

– Я не могу... – Я качаю головой. – Материнство не мое.

– Неправда. Я же вижу, как ты относишься к Лизетте и Фелисе. Они обожают тебя.

Я улыбаюсь при воспоминании о самых маленьких представительницах нашей *famille*. Они дерутся между собой за право сидеть у меня на коленях, пока я ошипываю перепелок. А когда зацветает клевер, я вплетаю цветы им в волосы.

– Уж лучше я буду тетей. Ведь мы же практически сестры, верно? Давай ты однажды родишь дочь, а я стану ее ба-

ловать?

– Даже не знаю. – Сабина кладет руку на свой живот. – Мой обряд посвящения состоится... лет в тридцать семь. – Уверена, она постаралась взять число как можно дальше от своих шестнадцати лет. – Так что мне трудно сейчас это представить.

Под словом «это» она подразумевала столь многое, что оно тяжелым грузом повисло между нами в воздухе. «Это» – самый сложный выбор, доступный Леуррессе. Если она решит родить ребенка, то ей дается ровно год, который она может провести со своим *amoué*. Но за это придется заплатить его жизнью, независимо от того, что произойдет за это время. Ведь если она не убьет его, то они оба окажутся прокляты. Магия неоконченного ритуала прервет не только его, но и *ее* жизнь. Так умерла Ашена. И Лилиан за пять лет до этого. Это считается величайшим позором.

Я расправила плечи.

– Если мне суждено встретить свою смерть, то уж лучше я сделаю это, перевозя мертвых.

– Как *моя* мать? – Карие глаза Сабины блестят в темноте. Я останавливаюсь и сжимаю ее руку.

– Твоя мать умерла как герой.

Лицо подруги омрачается печалью.

– Вот только я не чувствую ни капли гордости из-за этого.

Печаль Сабины тупым ножом пронзает меня. И мне отчаянно хочется приободрить подругу. Ее мать умерла два года

назад, но боль утраты все еще свежа и всегда вспыхивает без предупреждения. Душа злого человека – Скованная душа – убила мать Сабины на сухопутном мосту, ведущем к Воротам. Оказавшись неподалеку от Загробного мира, его сущность стала осязаемой. Именно в такой форме души проводят бесчисленные дни, пока не смогут соединиться со своими телами. И именно в такой форме могут навредить своим Перевозчикам. Но лишь Скованные души пытаются сопротивляться, боясь наказания, которое ожидает их в глубинах Подземного мира Тируса. Потому что Освобожденные души сами желают попасть в Рай Элары.

– Решено! – восклицаю я. – Мы никогда не умрем.

Сабина фыркает, но на ее лице появляется усмешка.

– Договорились.

И мы вновь начинаем шагать по темному туннелю, прижавшись друг к другу плечами.

– Давай помолимся, чтобы Тирус и Элара прислали мне страшного мужика, – говорю я. – Чтобы даже ты не пожалела о его смерти.

Тихий смех Сабины окутывает меня.

– Это было бы идеально.

3. Бастьен

Еще девять дней, и я убью ее.

Я забираюсь на стропила кузницы – лучшее место для тренировок, пока Гаспар отсиживается в таверне. И даже сомневаться не стоит, что старик проторчит там еще час.

Девять дней.

Я упираюсь ногами в крепкую центральную балку и надвигаю капюшон на глаза. Когда я встречу с ней, будет полнолуние, но ночь может быть облачной или дождливой. Погода в Довре, да и во всей Южной Галле, не отличается постоянством.

Я достаю из-за пояса два ножа. Первый я стащил из-под носа Гаспара, пока тот остывал послековки. А второй ничем не примечателен. Дешевый. Его рукоять не сбалансирована. Но этот нож принадлежал отцу, так что я ношу его в память о нем. И убью им ради него. Несмотря на капюшон, скрывающий обзор, я делаю выпад вперед. Пыль, взметнувшаяся под ногами, забивается в нос. Я отпрыгиваю назад и вновь атакую, отрабатывая удары. Эти упражнения я проделывал уже тысячи раз. И проделаю еще тысячу. Ведь невозможно подготовиться слишком хорошо. Да и полагаться на волю случая не стоит. Костяные волшебницы непредсказуемы. Невозможно угадать, у каких зверей она украла магию, пока не встретишься с ней лицом к лицу. Но даже потом остается

лишь гадать. Она может оказаться вдвое сильнее. Или крупнее. А может и вовсе с легкостью перепрыгнуть через меня и ударить со спины.

Я разворачиваюсь на балке и перехватываю рукояти ножей, а затем метаю их в вертикальную балку. В воздухе тут же удовлетворяющий стук. Я устремляюсь к ним и хватаюсь за рукояти. Но не вытаскиваю их, а использую как опоры, чтобы забраться на балку уровнем выше.

Я представляю себе мост и девушку, которую мне предстоит убить. Подойдет любая из костяных волшебниц. Они все убийцы. Так что я заберу у них то, что они украли у меня. Жизнь одной из них в обмен на жизнь моего отца.

Всего девять дней, Бастьен. И мой отец обретет покой. Я обрету покой. Хоть и не могу представить себе этого чувства.

Зацепившись ногами за верхнюю балку, я отпускаю руки. А затем раскачиваюсь и исполняю сальто назад. Капюшон слетает на спину, когда я приземляюсь в центр нижней балки.

Мне будет чем удивить Костяную волшебницу.

Громкие хлопки прерывают мою тренировку. *Гаспар рано вернулся.* Мышцы невольно напрягаются, но голос, который раздается следом, — хриплый и женский.

— Браво.

Жюли. Она стоит, прислонившись к наковальне, в неосвещенной части кузни. И лишь ее соломенные волосы светятся

в луче света, льющегося из открытого окна. В руке она крутит монету, периодически подбрасывая ее.

– Это настоящий золотой? – Я вытираю покрытый испариной лоб рукавом.

– Почему бы тебе не спуститься сюда, чтобы узнать это?

– Почему бы тебе не подняться ко мне? – Я подхожу к торчащим из дерева ножам. – Или ты боишься высоты?

Выдернув лезвия из древесины, я прячу ножи в ножны.

Жюли фыркает.

– Ты уже забыл, что именно я на прошлой неделе спрыгнула с крыши мясной лавки, чтобы украсть гуся?

– А, так это мертвый гусь так визжал?

Глаза Жюли сужаются до щелочек, но я вижу, как она старательно сдерживает смех.

– Хорошо, Бастьен. Я поднимусь туда, если тебе так хочется поиграть со мной.

Вот только звал я ее не для этого.

Она неторопливо подходит к одной из опор, хватается за крюки для инструментов Гаспара и поднимается ко мне. Легинсы плотно облегают ее стройные мускулистые ноги. Я тут же отвожу взгляд, а затем сглатываю.

«Дурак», – упрекаю себя. Если я не в силах сдерживать себя рядом с Жюли, то что же со мной будет, когда я увижу Костяную волшебницу? Ведь они невероятно прекрасны. По крайней мере, так говорится в легендах. И моя единственная встреча с женщиной в белом тому доказательство. Да-

же несмотря на мой испуг – и на вспыхнувшую ненависть к ней, – я не могу забыть ее редкую, настораживающую красоту.

Я опускаюсь на стропила, свесив одну ногу вниз, а вторую прижав к груди. Жюли взбирается на балку в нескольких метрах от меня. Ее грудь тяжело вздымается над корсажем. Она стала затягивать его туже с тех пор, как я поцеловал ее.

– И что теперь? – Она упирает руку в бедро, но это не отвлекает внимания от дрожащих ног. – Ты заставишь меня идти к тебе?

Я молча смотрю на нее.

– Не хочешь пойти навстречу ко мне? – начинает торговаться она.

– Хм. – Я постукиваю пальцами по подбородку. – Нет.

Усмехнувшись, Жюли показывает мне монету.

– Я собиралась поделиться с тобой. Но теперь, пожалуй, оставлю ее себе. Может, куплю себе шелковое платье.

– Прекрасный наряд для воровки.

Вот только я не представляю себе Жюли в платье. Она единственная в Довре, кто не носит их вообще. И если какой-нибудь смельчак решается указать ей на это, то она ставит ему фингал. А если он на этом не остановится и назовет ее «Жульен», то уходит, согнувшись пополам и держась за свое ушибленное достоинство.

– Иди сюда. – Я небрежно машу ей рукой. – До земли всего четыре с половиной метра. Самое ужасное, что может слу-

читься, если ты свалишься отсюда, это треснет череп. Ну, или сломаешь шею, но разве хорошая беседа не стоит этого?

– Ненавижу тебя.

Усмехнувшись, я облакачиваюсь спиной о столб.

– Нет, это не так.

Наше общение вновь вызывает привычные эмоции. Я подначиваю Жюли, как в старые добрые времена... до того, как совершил ошибку и поцеловал ее. Жюли и ее брат Марсель для меня словно семья. И мне не стоило переступать черту.

Ее коса перелетает на плечо, когда она смотрит вниз.

– Ты бросаешь мне вызов?

– Конечно.

– А что я получу, если дойду до тебя?

– Ты хотела сказать, если *выживешь*? – Я пожимаю плечами. – Ну, тогда я оставлю монету тебе.

– Она и так моя.

– Докажи это.

Жюли вновь бросает взгляд вниз и поджимает дрожащие губы. Она легко одолеет меня в сражении на ножах. Но у каждого есть свои слабые места. Сделав глубокий вдох, Жюли встряхивает руки. И в ее карих глазах появляется так хорошо знакомый мне блеск, означающий, что она последует за мной куда угодно. Так что неудивительно, что они с Марселем решили через девять дней отправиться вместе со мной. И вместе со мной найти способ отомстить. Мои друзья тоже потеряли отца.

Я никогда не встречался с Тео Гернье. Мне было двенадцать, когда я решился ограбить аптеку, но вместо этого услышал его имя и узнал о его судьбе. В тот день аптекарь рассказывал кому-то о странной болезни, которую не смог вылечить три года назад. Потому что никогда не сталкивался с необычным заболеванием костей. Эта болезнь оказалась последней трагедией в жизни Тео после того, как он потерял жену, а затем и любовницу.

Решив, что в этом могли оказаться замешаны Костяные волшебницы, я весь следующий месяц пытался выяснить, что случилось с двумя детьми Тео. По словам аптекаря, у них не оказалось родственников, готовых позаботиться о них. И в конце концов я нашел Жюли и Марселя в другом районе Довра, где они, как и я, питались отбросами, чтобы выжить. Пообщавшись, мы сложили воедино причины смерти наших отцов и пришли к выводам, что у нас есть общий враг. А затем поклялись заставить Костяных волшебниц заплатить за то, что они отняли у нас.

Жюли зажимает монету зубами и широко разводит руки в стороны, после чего делает первый шаг.

От моей улыбки не остается и следа, пока я внимательно наблюдаю за ней.

– Смотри вперед, а не вниз. Сосредоточься на расстоянии, которое тебе необходимо преодолеть. Найди цель впереди и не своди с нее взгляда.

Жюли вздыхает, но послушно делает, как я сказал.

– Хорошо, а теперь продолжай идти.

Я позвал сюда Жюли не ради забавы, а чтобы помочь ей. Если она сможет преодолеть страх высоты, то ее ничего не сможет остановить. Она станет взбираться на крыши Довра и прыгать с одной на другую с ловкостью уличной кошки. Станет идеальной воровкой.

Она преодолела уже половину пути, а ее лицо покраснелось в предвкушении победы. Но внезапно ее брови хмурятся и уверенность дает трещину. А ведь ей оставалось лишь несколько шагов.

– Успокойся, Жюли. Выбрось все мысли из головы. Расслабься.

Ее дыхание прерывается. На висках вздуваются вены. И она опускает глаза.

*Merde*⁴.

Ноги Жюли подгибаются, и она заваливается в сторону. Я тянусь к ней, но не успеваю ухватиться, поэтому быстро падаю на балку грудью, чтобы схватить ее за руку.

Пальцы скользят по коже, но мне удастся схватить ее ладонь. Из-за веса Жюли меня невольно тянет вниз, и я еще сильнее прижимаюсь к балке. Она размахивает второй рукой и сдавленно кричит.

– Я держу тебя, Жюли!

Подтянувшись, она обхватывает второй рукой мое запястье. При этом каким-то чудом умудрившись не выронить

⁴ Проклятие – *фр.*

монету изо рта.

– Наковальня прямо под тобой, – предупреждаю я. – Так что я хочу затащить тебя обратно, хорошо?

Она стонет, но послушно кивает.

Я стискиваю балку ногами и медленно поднимаю ее наверх, пока, наконец, она не оказывается рядом со мной. Оседлав балку и сев лицом ко мне, она пытается отдышаться. Ее руки сжимают мою шею, а тело дрожит. Я крепче прижимаю ее к себе, проклиная себя за то, что бросил ей этот вызов. *Если я потеряю еще кого-нибудь...* Я закрываю глаза.

– Молодец, – с трудом выдыхаю я. – Ты прекрасно справилась.

Она издает нотки истерического смеха.

– Если ты расскажешь об этом Марселю, я убью тебя, – предупреждает Жюли, не вынимая монеты изо рта.

– Вполне честно.

Она отстраняется и смотрит мне в лицо. Наши носы почти соприкасаются, когда она слегка вздергивает подбородок, словно приглашая меня забрать монету. Я отвожу одну руку от ее талии и достаю золотой из ее зубов.

Жюли тут же облизывает губы.

– Ну?

Я слегка прикусываю монету.

– Это и правда золотой, – с застенчивой улыбкой отвечаю я.

Ее ресницы слегка прикрывают глаза. Кажется, она соби-

рается меня убить. Но вместо этого Жюли целует меня.

Это оказывается настолько неожиданным, что я теряю равновесие. И в этот раз именно Жюли приходится прижимать меня к балке. Но ее губы продолжают прижиматься к моим. Так что я поддаюсь этому искушению. Она слишком хороша. Я обхватываю ее талию, отчего Жюли слегка отстраняется, овеивая теплым дыханием мое лицо. Но как только поцелуй становится настойчивее, мой желудок скручивается в петлю палача⁵. Я готов обмануть и обворовать любого в Довре, но только не этих двоих, кем дорожу больше всего. Именно эти чувства я испытываю сейчас – словно обманиваю и обворовываю Жюли. И каждый день на протяжении шести недель, что мы с ней провели вместе, пытался понять, почему. Просто я отдаю то, что не должен отдавать.

– Жюли... – Я нежно отстраняюсь от нее, но она не сдвигается с места, сопротивляясь до последнего.

И именно за это я люблю ее... просто не так, как она этого хочет. Во всяком случае, пока. А может, не полюблю никогда.

– Жюли, *нет*.

Я сильнее прижимаюсь к балке, а она упирается в нее руками и заглядывает мне в глаза.

Ее взгляд переполнен болью. Но я не могу вновь ступить на эту дорожку. Она лишь возненавидит меня. Мне бы хоте-

⁵ Петля палача – узел, который чаще всего использовали при повешении. Считается одним из самых надежных и прочных узлов.

лось отступить на несколько шагов и спрятать руки в карманы, но мы застряли на стропилах.

Вздыхнув, я провожу рукой по волосам. Их давно пора помыть, да еще и подстричь. Обычно именно Жюли выступает в роли парикмахера.

– Оставь монету себе, – говорю я и кладу золотой между нами. – Купи шелковое платье, как и хотела. А затем надень его на весенний праздник.

– Я не собиралась покупать себе платье, идиот. – Она хватается монету и прячет в свой карман. – Что нам нужно, так это еда.

– Ну, через девять дней...

– Через девять дней *что*? Ты покончишь со своим прошлым? Вдруг заработаешь хорошую репутацию?

Я пожимаю плечами.

– Через девять дней мы можем покинуть Довр. И начать новую жизнь в другом месте.

– Ты так говоришь каждое полнолуние, – огрызается Жюли и качает головой, стараясь обуздать свой вспыльчивый нрав. – Мы потратили на это уже больше *года*, Бастьен. И следили за каждым мостом. Может, пора уже признать, что Костяные волшебницы, скорее всего, умерли или переехали куда-то еще... что и *нам* следует сделать.

Глаз начинает подергиваться, и я стискиваю челюсти.

– В Южной Галле по сравнению с другими районами больше всего упоминаний о Костяных волшебницах. И самые

первые легенды о них родились именно здесь. А не где-то еще. Они не умерли, Жюли. Такие женщины не умирают просто так.

В ее взгляде вновь появляется знакомый блеск.

– Не потому ли, что иначе у тебя пропадет единственный стимул просыпаться по утрам?

Так, пора заканчивать этот разговор.

Я упираюсь ногами в балку и выпрямляюсь во весь рост.

– Пошли. – Я протягиваю Жюли руку, но она делает вид, будто не замечает ее. – Отлично. Оставайся здесь.

Я разворачиваюсь и делаю шаг.

– Подожди, – окликает Жюли, вынуждая меня оглянуться. – Я тоже хочу отомстить за смерть отца. Ты же знаешь, как я этого хочу, но... Что, если мы не сможем? Что, если у нас *не получится*?

Ребра сжимаются от резкой боли, пронзившей грудь. Я даже мысли о неудаче не допускаю. Так как она может думать об этом? Жюли и Марсель не видели, как их отца убили на мосту. Да, Тео умер, но его болезнь протекала медленно.

Через несколько лет после смерти их матери он привел в дом красивую женщину. Она штопала им одежду, пела песни и спала в постели их отца. Они считали ее посланной небесами. Женщина даже помогала Тео в его работе писца, разглаживая пергамент пемзой и отмечая линии линейкой и шилом. А когда его доход удвоился, они могли позволить себе сладости и дорогое деревенское вино.

Но однажды утром Жюли увидела, как женщина стояла над спящим Тео с вырезанным из кости ножом. Заметив ее, женщина испугалась и убежала из дома и больше никогда не возвращалась. Вскоре Тео заболел, его кости стали хрупкими, как стекло. Каждый раз, стоило ему упасть, у него ломалась какая-то кость. Пока одно из падений не оказалось настолько серьезным, что оборвало его жизнь.

Я пристально смотрю на свою подругу.

– Я *обязательно* отомщу. Если хочешь, сдавайся, но я никогда не отступлюсь.

Жюли прикусывает нижнюю губу. Маленькая щель между двумя передними зубами – единственное, что напоминает мне о девочке, которую я встретил, когда нам обоим исполнилось по двенадцать лет. А теперь нам уже восемнадцать. И мы стали достаточно взрослыми для того, чтобы беспокоиться о нашей дальнейшей жизни. О том, что мы станем делать, когда отомстим за наших отцов. Но пока я не готов думать о чем-то еще, кроме этого.

– А кто сказал, что *ты* единственный, кто не станет отступать? – заявляет она, скрывая за ухмылкой беспокойство, мелькнувшее на лице. – Я просто проверяла тебя. Верни меня на твердую землю, и в следующее полнолуние я не стану убегать. Ты получишь свою добычу, а мы с Марселем свою.

Я рассказал друзьям о второй женщине, которую видел в ночь смерти отца. А затем Марсель пересмотрел все книги, которые припрятал в окрестностях Довра, – те, что спас из

библиотеки своего отца, — и выяснил, что Костяные волшебницы всегда появляются парами. Так что для мести нам понадобится всего одна встреча.

— А теперь помоги мне спуститься вниз, пока я не столкнула тебя на наковальню, — объявляет Жюли.

С моих губ срывается дружелюбный смешок.

— Хорошо, — отвечаю я и довожу ее до перекладины, откуда она сможет спуститься вниз.

Но когда до пола остается меньше метра, замок на двери начинает скрипеть. Жюли чертыхается и спрыгивает вниз. Я не мешкая следую за ней и перекатываюсь по полу, чтобы тут же вскочить на ноги. Дверь распахивается настежь. И мы замираем в ярком квадрате солнечного света.

Гаспар тарашится на нас в пьяном угаре. Одна из его подтяжек свалилась с плеча, а живот выпирает над поясом заштопанных брюк. Мы быстро протискиваемся мимо него, пока он с ревом хватается за один из раскаленных прутьев. Но ему никогда не поймать нас.

Оказавшись на улице, мы с Жюли хватаемся за руки и, не задумываясь, переставляем ноги в едином ритме, потому что так часто сбегали от опасности. Наше поспешное бегство вызывает у меня смех, и она в ответ одаривает меня ослепительной улыбкой. Мне так хочется поцеловать ее прямо сейчас, но я отвожу взгляд, не позволяя себе поддаваться искушению.

Всего девять дней. А затем я смогу подумать о Жюли.

4. Сабина

– Клянусь костями моего отца... – рычит Аилесса, вновь наступая на подол своего платья.

Я хватаю подругу за руку, чтобы удержать от падения, после чего она еще выше поднимает подол над пыльной лесной тропинкой.

– ...Айла специально сделала платье таким длинным. Уверена, она хотела, чтобы мой сегодняшний вечер прошел ужасно.

Одива попросила Айлу сшить белое церемониальное платье для Аилессы, и я никогда не видела более красивого наряда. Широкий вырез изящно приоткрывает плечи, а облегающие рукава расширяются от локтей. Айла потратила немало времени, чтобы подогнать лиф по размеру, чего не скажешь о подоле. Аилесса права, чрезмерно длинный шлейф и удлинненный перед создают немало проблем. А Айла слишком талантливая швея, чтобы списать все на ошибку.

– Может, она посчитала, что оказывает тебе услугу. – Я пожимаю плечами. – Вдруг твой *amouré* посчитает тебя более привлекательной в непрактичном платье. – Аилесса бросает на меня скептический взгляд, и я добавляю: – Помнишь картину, которую мы видели в городе прошлой осенью? Дама на портрете едва не тонула в своем нелепом наряде. А мужчины охраняли его так, словно это самое ценное

сокровище во всей Галле.

– Наверное, мужчин привлекают беззащитные женщины, – ворчит Аилесса, но я вижу, как сверкают ее глаза в лунном свете. – Интересно, мой *amoué* сильно удивится, что я совершенно не такая? Ему повезет больше, чем остальным тупицам Довра?

Повезет. Я ухмыляюсь, хоть и чувствую, как сжимается желудок. Как и все остальные члены нашей *famille*, Аилесса верит, что человеку, которого боги выбрали для встречи с ней, сегодня вечером несказанно повезет. И однажды, когда Аилесса умрет, *amoué* встретит ее с благодарностью за то, что она лишила его жизни, и они вместе станут жить в Раю Элары. Жаль, что у меня не получается в это верить. Потому что иначе сегодня я бы чувствовала себя намного легче.

Я вздрагиваю, заметив, как туман расползается по лесу и тревожит теплый воздух.

– Как думаешь, каким он будет?

Аилесса пожимает плечами.

– Я не позволяю себе думать об этом. Какой от этого прок?

– Ты никогда не представляла своего *amoué*?

– Никогда.

Я пристально смотрю на подругу, но она упрямо сохраняет бесстрастное выражение лица.

– Думаю, тебе следовало бы представить его сейчас, прежде чем ты пройдешь свой обряд посвящения. Вдруг боги прислушаются к твоим пожеланиям.

Она усмехается.

– Сомневаюсь, что это происходит именно так.

– Да ладно тебе, Аилесса. Давай представим, каким он будет.

Она передергивает плечами, будто платье для обряда посвящения вдруг начало натирать ей кожу.

– Ты бы хотела, чтобы он оказался красивым? – допытываюсь я, беря подругу за руку. – Давай начнем с этого.

Она морщится.

– Пусть будет красивым, но только если он не заиклен на своей внешности. Нет ничего более отталкивающего.

– Согласна. Никакого тщеславия.

– Кстати, раз уж мы заговорили о внешности... Я бы не возражала, окажись у него ямочки и кудри.

– Ямочки и кудри. Тирус и Элара, вы слышали?

Аилесса шикает на меня.

– Прошу, будь более почтительна, а то они приведут ко мне тролля.

– Не переживай. Тролли всего лишь миф. Мы единственные существа, которых стоит бояться на мосту.

Она хихикает и кладет голову мне на плечо.

– Мой *amouré* должен быть страстным и сильным.

– Естественно, иначе он не сможет быть тебе ровней.

– Но также должен обладать чуткостью и великодушием.

– Иначе ему не справиться с твоими перепадами настроения.

Подруга смеется и толкает меня локтем.

– Проще говоря, он должен быть совершенным.

Я опускаю голову поверх ее головы.

– Ты не переживешь, если это окажется не так.

Тропинка сворачивает и выводит нас на редко используемую дорогу за городскими стенами. В шести метрах от нас расположился Кагельпонт – мост, который выбрала Аилеса для своего обряда посвящения. Наши улыбки тут же исчезают. Сердце глухо стучит в груди. Мы пришли. И Аилеса действительно сделает это.

Над мостом, словно белый глаз, окутанный туманом, висит полная луна. Ночные насекомые жужжат и пищат вокруг, но стоит нам покинуть лес и направиться по пустынной дороге к мосту, как звуки стихают.

Кагельпонт – «Замковый мост» – старинный каменный мост, построенный еще в те времена, когда страной правили предки короля Годарта. Тогда по реке Мирвуа доставляли товары в Шато Кре и под каменной аркой моста проходили суда. Но сейчас русло реки иссохло и обмелело.

У короля Годарта не имелось наследников, так что после его смерти другая семья заявила о своем праве на престол. И они выстроили новый замок на самом высоком холме Довра, назвали его Бо Пале – «Прекрасный дворец» – и направили реку в другое русло.

Кагельпонт так назвали потому, что, остановившись на нем и посмотрев на запад, раньше можно было увидеть баш-

ни Шато Кре. Сейчас с него тоже видно замок, но теперь это Бо Пале, и смотреть приходится на восток. Мы с Аилессой никогда не бывали в новом замке и никогда не будем. Одива запрещает Леуррессам выходить за городские стены Довра. Эта осмотрительность необходима для нашего выживания.

– Ты уверена, что хочешь провести обряд на этом мосту? – спрашиваю я. – Здесь слишком открытое пространство.

Окна Бо Пале напоминают пару глаз, взирающих на нас сверху. Да и вся ситуация ничем не напоминает наше привычное времяпрепровождение, когда мы шпионим за путешественниками из безопасных укрытий в лесу.

Аилесса скрещивает руки на груди и опирается на полуразрушенный парапет моста, а затем обводит взглядом замок из известняка. Ее каштановые волосы мягко развеваются на ветру. Под ними виднеются ножны, прикрепленные к спине, с ритуальным костяным ножом.

– С такого расстояния нас никто не увидит. Мы в полнейшей безопасности.

Но меня не успокаивают ее слова. Аилесса выбрала Ка-стельпонт по той же причине, что и тигровую акулу. Из всех мостов Южной Галлы этот находится ближе всего к Довру и считается одним из самых сложных для проведения обряда посвящения. Но именно поэтому его успешное проведение произведет впечатление на других Леурресс. И на Одиву, как только та успокоится и немного остынет.

Аилесса поворачивается и берет меня за руки.

– Я так рада, что ты сегодня со мной, Сабина.

И хотя на ее лице сияет улыбка, я чувствую, как дрожат ее руки.

– Я тоже счастлива, что нахожусь здесь с тобой, – лгу я.

Не имеет значения, насколько мне ненавистен обряд посвящения, она никогда не отступится от него, поэтому мне остается лишь поддерживать ее уверенность в себе, чтобы рука подруги не дрогнула в самый ответственный момент. Ведь если Аилесса не сможет нанести смертельный удар, и ее *amouré* будет умирать медленно и мучительно, она станет сожалеть об этом до конца своих дней.

Расстегнув ожерелье, Аилесса снимает его с плеча и передает мне.

– Начнем?

Обряд посвящения – единственное время, когда Леурреса получает доступ к своей благодати, не надевая ожерелья с костями. Но для этого ей необходимо стоять на выбранном мосту.

Сделав глубокий вдох, я протягиваю ей маленькую тисовую шкатулку. Под крышкой на подстилке из овечьей шерсти покоится древняя костяная флейта. Аилесса с благоговением вынимает инструмент и поглаживает пальцами игровые отверстия и выгравированные на нем символы. Считается, что она высечена из кости золотого шакала. Но я сомневаюсь в этом, потому что зверь упоминается только в мифах. И никто из представительниц моей *famille* не видел его

в Галле.

Внезапно налетевший порыв ветра доносит до нас тихие голоса. В кронах деревьев раздается шорох, и я тут же оглядываюсь по сторонам.

– Аилесса. – Я хватаю подругу за руку. – Тут кто-то есть.

Но когда она вслед за мной поворачивается к лесу, с ветвей слетает серебристая сова и совершает круг над нашими головами. С моих губ тут же срывается нервный смешок, но Аилесса остается серьезной. Появление совы предвещает либо удачу, либо провал. Но никогда нельзя быть уверенным наверняка, что именно, пока не свершится неизбежное.

– Иди, Сабина, – говорит Аилесса, когда сова с уханьем скрывается из вида. – Мы не можем медлить.

– Удачи, – желаю я и, поцеловав подругу в щеку, спешу выполнить свой долг.

Свидетельница не просто подтверждает факт ритуального жертвоприношения. Я также должна закопать кости благодати Аилессы под опорами моста, а потом забрать их. После того, как она сыграет песню сирены, и боги выберут для нее мужчину. Не имеет значения, окажется ли предназначенный ей *amouré* поблизости или далеко, он все равно услышит музыку или почувствует ее зов, после чего они окажутся связаны навеки и его потянет к Аилессе. Представительницы нашей *famille* привлекали *amouré* со всех концов Довра и даже на несколько километров от городских стен.

Подруга опускается на колени на мосту, закрывает глаза

и поднимает сложенные вместе ладони к ночному небу. Она посылает молитву Эларе, невесте Тируса, которые оказались разделены миром смертных еще на заре времен, когда он возник между их королевствами.

Я украдкой кошусь на молочную вуаль звезд Элары и возношу собственную молитву: «Помоги мне пережить эту ночь». А затем бросаюсь выполнять свои обязанности, сжимая в руках ожерелье Аилессы. Все три кости благодати привязаны к вощеному шнуру. Но я не чувствую их силы.

Распутав узлы, я снимаю кулоны и спускаюсь по крутому берегу речного русла. Почва растрескалась и пересохла, поэтому я подхватываю зазубренный камень, чтобы выкопать первую яму. Захоронив первую кость Аилессы от крыла сокола, я спешу ко второй опоре моста. Стоит порадоваться, что мне не пришлось мокнуть. Если бы Аилесса выбрала мост над водой, то сейчас мне пришлось бы плавать, потому что все кости должны быть закопаны в землю ниже поверхности воды.

Но от каждого порыва ветра я невольно вздрагиваю и оглядываюсь по сторонам. Если кто-то, кроме *amouré* Аилессы, появится здесь и заподозрит неладное, она не сможет защитить себя. По крайней мере, пока я не закончу, и она не сыграет песнь сирены. До этого момента она не сможет использовать силу своих костей благодати.

Закопав вторую кость, я спешу на другой берег реки, чтобы спрятать третью. Каждая ямка выходит меньше преды-

душей, но я и не стараюсь их сделать глубокими. Четвертая опора остается нетронутой. Здесь я похороню того, кого убьет Аилесса. Это место станет его могилой – последней честью, которую он получит в этой жизни. Еще одна причина порадоваться, что под мостом нет реки. Бросать мертвеца в реку, чтобы его тело вынесло неизвестно куда, кажется ужасной благодарностью после того, как он лишился своей жизни ради обряда посвящения.

– Я закончила, – объявляю я, бросая последнюю горсть земли на третью кость благодати. – Можешь начинать.

– Я подожду, пока ты не поднимешься сюда. Чтобы ты могла меня видеть. – Уверенный и спокойный голос Аилессы разносится по воздуху. Видимо, молитва успокоила ее.

подавив стон, я начинаю взбираться на берег реки.

– Сомневаюсь, что твой *amouré* материализуется здесь, как только ты сыграешь первую ноту. Вполне может оказаться, что он живет на другом конце Довра.

Подруга громко вздыхает.

– Я об этом не подумала. Надеюсь, обряд не займет всю ночь.

Как бы сильно мне ни хотелось, чтобы ее обряд посвящения поскорее прошел, какой-то частью души мне хочется, чтобы ее *amouré* никогда не появился. Боги и так требуют от Леурресс многого на протяжении всей их жизни. Так что не им просить нас принести подобную жертву. Но Тирус требователен. Его плащ соткан из дыма и пепла клятвопреступ-

ников и трусов, худших грешников Подземного мира, которые сгорели в вечном огне его гнева. Даже убийцам уготована лучшая участь в Бескрайних песках раскаленной пустыни Тируса, где души мучаются от неутолимой жажды.

– Я здесь, – выдыхаю я, выбравшись из русла реки. – Начинай.

Аилесса расправляет плечи.

– Давай посмотрим, смогу ли я убить человека, не запачкав кровью свое платье. – Она подмигивает мне. – Надо же чем-то удивить Айлу.

Все внутри сжимается от этих слов. Так что я даже не пытаюсь выдавить улыбку. Это действительно происходит. Аилесса сейчас встретится с предназначенным ей богами мужчиной, чтобы убить его.

– Будь осторожна, – прошу я, хотя и понимаю, что именно ее *amouré* сейчас в большей опасности.

Но меня не покидает плохое предчувствие.

– Я всегда осторожна.

Только храбрая улыбка вызывает у меня противоположные чувства и усиливает беспокойство. Иногда немного страха лишь усиливает благоразумие.

Но мне остается лишь смиренно отступить к ближайшему дереву и спрятаться за ним. Но даже скрывшись из виду, я все еще вижу свою подругу.

Аилесса перекидывает волосы через плечо и, вытянув шею, словно лебедь, подносит костяную флейту к губам.

5. Бастьен

Сегодня ночью я отомщу за своего отца. Я чувствую это всей душой, ощущаю нервную энергетику, которая пронзает тело и не дает мне сомкнуть глаз последние двадцать четыре часа. Но после сегодняшней ночи я смогу спать спокойней.

Я затягиваю ремень от ножен на спине. В них спрятаны два моих ножа. Костяная волшебница пригласит меня на танец – часть ее извращенной игры в кошки-мышки – но мне не хочется открывать раньше времени, потому что сегодня кошка именно я.

– Как по мне, все же лучше напасть, прыгнув с деревьев, – говорит Марсель, последним выползая из туннеля «Целомудренной дамы».

Бордель находится у южной стены города. Мы могли бы пройти по тропинке через развалины, но этот туннель – за проход по которому мадам Колетт закрывает глаза за пару монет – ведет из Довра к мостам, которые мы запланировали проверить сегодня вечером. В прошлое полнолуние мы с Жюли и Марселем отправились сначала на запад, а затем на восток. Но в этот раз хотим добраться до королевской верфи на побережье. Южная Галле опутана водными каналами и мостами.

– Нет, мы встретимся с ними лицом к лицу.

Впервые за несколько недель я привел себя в порядок. Мы

пробрались в алую комнату «Целомудренной дамы», в которую обычно приводят барона Жерара, когда он посещает эти трущобы. Жюли помыла мне волосы и даже побрила. А затем немного побрызгала ароматной водой барона. Теперь от меня пахнет лакрицей, кресс-салатом и гвоздикой. От этого аромата у меня зудит нос, но Жюли уверяет, что он соблазнительный. Ведь когда Костяная волшебница сыграет свою песню, мне нужно будет выдать себя за парня, попавшегося в ее сети. Кем бы он ни был.

– Как я выгляжу? – спрашиваю я в первый и, надеюсь, последний раз в жизни.

«Выпад, удар, отскок», – мысленно повторяю я, пока Жюли возится с плащом, который я «одолжил» в борделе. Его необходимо пристегнуть так, чтобы он прикрывал мою спину и правое плечо, как его носят мажоры из благополучных районов. Мадам Колетт отравит нас во сне, если узнает, что мы крадем у ее постоянных клиентов.

– Почти идеально, – говорит Жюли. – Весь образ портит только твое дыхание. Не стоило есть колбасу.

– Ты же сама украла ее. Да еще и съела вторую половину.

– Ну мне же не надо производить впечатление на полубогиню. – Жюли отворачивается и роется в кустах.

– Костяные волшебницы не бессмертны. – Марсель отряхивает пыльные ладони о брюки. – Они живут не дольше нас. И хотя в старых песнях все еще звучат эти сказки, если обратиться к их источнику, в частности, к эпической драме «Les

Dames Blanches» – «Белые дамы» – от Арно Пуарье, то сразу поймете, откуда возникла такая путаница, – растягивая слова, говорит он.

Марсель не пытается произвести на нас впечатление или как-то повлиять на наше мнение. Он, как и всегда, просто делится всем, что приходит ему в голову и занимает его мысли.

– С помощью дара богов они соблазняют и убивают, говорит Пуарье, но, конечно, он подразумевал, что Волшебницы костей получают *силы* от богов, а не их *принадлежность* к богам. Хотя они и утверждают, что произошли от них.

Жюли срывает несколько растений, вполуха слушая своего младшего брата.

– Это мята, – объявляет она и впихивает мне их в рот.

Я давлюсь и выплевываю несколько листьев.

– Боже, хватило бы и пары листочков!

– Это ты так думаешь. – Она помахивает перед лицом ладонью и обходит меня.

Мое внимание тут же привлекают ее покачивающиеся бедра. Сегодня она во всем черном – от кожаного корсета до сапог. Она даже натянула черный капюшон, чтобы скрыть свои светлые волосы. Жюли всегда держится в тени во время нашей охоты, пока я отвлекаю внимание. И она прекрасно справляется со своей ролью. А вот Марселя мы стараемся держать подальше. Он прекрасный тактик, но в вопросах маскировки больше напоминает слона в посудной лавке.

Даже сейчас, когда мы пробираемся через лес, он отста-

ет от нас. А сухой подлесок шуршит и хрустит под его ногами. Но девушкам Довра нравится его неуклюжесть. Я не раз слышал, как они шептались о «миловидном лице» Марселя и его «медовых глазах». Может, они шепчутся и обо мне, но я ни разу этого не слышал. Дело в том, что из нас троих Марсель единственный, кто ведет себя дружелюбно.

«Резкий удар, рывок, откат». – Мышцы напрягаются, пока я обдумываю каждое движение. Уверен, Костяная волшебница очень быстра, но я готов к этому.

– Кстати, из-за названия поэмы Пуарье все думают, что Костяные волшебницы обладают светлой кожей, – продолжает Марсель. – Но на самом деле *blanches* обозначает белые одежды.

– Может, уже хватит болтать? – спрашивает Жюли, срываясь на бег по оленьей тропе. – Мы провозимся до рассвета, если ты не поторопишься.

Она права. Я возвращаюсь к Марселю, чтобы помочь ему. Мы уже больше года следим за мостами, и мне уже не терпится все это закончить. *Сегодня, Бастьен, сегодня.*

– Может, бросишь свои рюкзаки и слегка пригнешься? – предлагаю я, потому что Марсель столько всего набрал с собой, что больше напоминает мула. – Твои пожитки каждый раз замедляют тебя.

– Уж лучше я буду медлительным, чем беззащитным. – Его взгляд падает на лист, прицепившийся к плащу. – Вербена, – коснувшись зазубренного края, произносит он, а за-

тем прячет его в карман. – Кроме того, я не брошу книгу. И ты это знаешь.

Знаю. Марсель всегда таскает с собой книгу. И именно поэтому его рюкзак такой тяжелый. В «Преданиях старой Галлы» собраны все сказки этого региона. Конечно, это не та книга, что ожидаешь увидеть у начитанного Марселя, но именно она лежала на прикроватном столике его отца, когда тот умер. И мне понятно желание Марселя везде носить ее с собой. Ведь я тоже везде ношу с собой неудобный отцовский нож, хоть он и не занимает так много места.

Ветер меняется, и я невольно начинаю кашлять от нахлынувшего аромата роз.

– Одна из девушек мадам Колетт приставала к тебе перед нашим уходом?

– Что? Нет. С чего ты...

– Запах. – Я подмигиваю. – Уверен, кто-то вылил на тебя полбутылки духов.

Марсель прижимает нос к воротнику и, вдохнув, тихо ругается.

– Она не из борделя, – бормочет он, а затем ускоряет шаг, чтобы обогнать меня.

Я усмехаюсь и следую за ним.

– Дай угадаю... Бердин?

Девчушка с кудрявыми рыжими волосами работает неподалеку от «Целомудренной дамы». Ее веселый голос и теплый смех отвлекают клиентов, пока дядя впаривает им де-

шевые духи за баснословные деньги.

– Никто больше не использует столько духов из роз.

Марсель стонет.

– Хватит болтать. Жюли шкуру с меня сдерет, если учует этот запах.

– А ей-то какое дело?

– Она огрызается на всех, кто смотрит в мою сторону.

– Особенно если ты тоже смотришь на них. – Я одариваю его понимающей улыбкой.

Но так и не дожидаясь смешка в ответ. Все потому, что Марсель старательно растирает сосновые иголки по шее и рубашке, поглядывая на сестру. Я никогда не видел, чтобы он так переживал. Обычно он ведет себя невозмутимо.

– Ох, так эта красотка тебя зацепила, да? – Я наклоняю голову. – Хочешь, я поговорю с Жюли? Попрошу слегка спустить твой поводок?

Марселю всего шестнадцать, как и Бердин, но он уже достаточно взрослый, чтобы развлекаться, не переживая о том, что сестра следит за ним.

Его лицо озаряется надеждой.

– Ты правда это сделаешь?

Жюли съест меня с потрохами, как только я заикнусь об этом. Она стала для брата не только матерью, но и отцом. А он – смыслом ее жизни. Так что неудивительно, что она так воспринимает его взросление. Еще до того, как Костяная волшебница разрушила жизни Жюли и Марсея, их мать то-

же внесла свою долю вреда. Когда они были маленькими, она бросила Тео ради моряка и уплыла с ним на корабле, который больше никогда не возвращался в этот порт.

– Конечно.

Я перешагиваю через корявый корень и вновь ускоряю шаг.

«Поворот, уклон, замах».

– Берди устала от парфюмерии. А от запаха мускуса у нее начинает болеть голова.

– Серьезно? – Не знаю, к чему он клонит, но прозвище де-вушки «Птичка» вызывает у меня улыбку. – А как она планирует зарабатывать на жизнь?

– Она хочет помочь мне с работой.

– Вора-карманника?

«Прыжок, удар».

Уверен, Костяная волшебница выберет один из мостов в глухом лесу к югу от Довра. Некоторые из них давно заброшены и их трудно найти. Вот только не мне.

– Или ты говоришь о нашей мести?

– Я про работу *писца*, – делая акцент на последнем слове, говорит Марсель, не понимая, что я шучу. – У меня сохранилась большая часть инструментов отца. Но при этом необходимо подготовить пергамент, разметить строки... Берди может все это делать. Писец же не только читает и пишет, – добавляет он, словно любой из детей-бедняков Довра умеет это.

Я почесываю затылок. Неужели Марселю действительно так хочется бросить все и посвятить себя профессии писца? Я никогда не задумывался, что случится дальше следующего полнолуния.

– Знаешь, за все эти годы я бы мог в совершенстве овладеть стамеской и молотком.

Если бы мой отец был жив, это осчастливило бы его. Но он давно умер. И теперь мне остается лишь мстить за его смерть.

– Но оказалось, что мне необходим лишь нож, – добавляю я.

Марсель отодвигает ветку тростника с нашего пути.

– Я тебя не понимаю.

– Послушай. Если так хочется, то проводи все свое свободное время с Берди. Но не теряй концентрацию. Мы с Жюли нуждаемся в тебе. – Я по-братски хлопаю его по плечу.

Без Марселя мы бы не узнали множество интересных фактов о Костяных волшебницах, хотя эти знания все еще обрывочны.

– Если ты станешь писцом, то твой отец, безусловно, гордился бы тобой, но для начала необходимо подарить его душе покой, ведь так?

Плечи Марселя опускаются, но он отважно кивает.

Внезапно по лесу разносится птичья трель. Это Жюли подзывает нас к себе. Мы ускоряем шаг. Но через несколько

метров Марсель вновь начинает отставать. Я стараюсь не обращать внимания на укол вины из-за своей проповеди о том, чтобы он не заикливался на настоящем. Ведь понимаю, что Жюли ничего ему не скажет. По крайней мере, я не кричу на него, как сестра. Марселя едва исполнилось семь, когда умер Тео. А Жюли было девять. И хотя у них разница всего два года, но она лучше брата осознает, чего они лишились. Марсель нуждается в мести не меньше, чем мы. И когда-нибудь он поблагодарит нас за то, что помогли ему добиться этого.

Когда Жюли наконец оказывается в поле зрения, выясняется, что она уже успела добраться до первого моста на нашем пути. И уже собирается выйти из лесу, но тут резко останавливается.

Я тут же замираю, ведь мы настолько хорошо знаем друг друга, что действуем в унисон. А затем поднимаю руку, призывая остановиться Марселя. Видимо, кто-то оказался поблизости. И Жюли выжидает, пока он пройдет. Мы довольно известные воры. И если наткнемся не на того человека, то...

Жюли застывает. Напрягает плечи. Растопыривает пальцы. Это явно не очень хороший знак. Сколько же там людей? Подруга начинает медленно отступать, пригибаясь все ниже с каждым шагом.

– Что слу...

Я зажимаю рукой рот Марселя.

Жюли натывается на низкорастущую ветку. Ни разу не ви-

дел, чтобы она вела себя так неуклюже.

– *Merde*, – выдыхает она и падает плашмя на землю.

Тут же раздается шорох травы, когда она пробирается сквозь нее к нам. А когда вновь показывается нам на глаза, то настойчиво показывает себе за спину.

Мы с Марселем дружно приседаем, пока наши головы не оказываются на одном уровне с ней.

– Солдат? – спрашиваю я.

Обычно королевская гвардия не отходит так далеко от городских стен, но вряд ли бы кто-то еще вызвал такую панику у Жюли.

Она отрицательно качает головой.

– Костяные волшебницы.

У меня перехватывает дыхание от ее заявления. И я оторопело взираю на нее. Даже Марсель потерял дар речи.

– Что? Здесь?

Она кивает.

– На Кастельпонте? – все еще не веря в происходящее, уточняю я.

Никогда бы не подумал, что они появятся здесь. Даже мы выбрали этот мост лишь потому, что через него быстрее добраться до остальных. Он же на виду у Бо Пале.

– На мосту стоит женщина в белом, а на другой стороне – еще одна. Но вторая женщина в зеленом, так что твои теории о «белых одеждах» рассыпаются в прах, Марсель.

– Возможно, они используют белый цвет лишь во вре-

мя ритуалов, — размышляет он. — В легендах говорится, что Костяные волшебницы показываются людям лишь во время танца на мосту. И только в одной истории упоминается свидетельница, но там не говорится о цвете ее платья, так что...

Я настолько поражен, что даже не прислушиваюсь к болтовне Марселя, которая обрывается лишь после подзатыльника Жюли. Она вновь переводит взгляд на меня, и ее улыбка становится шире.

— Бастьен, у нас получилось! Мы нашли их! — Она еле сдерживает порывы безудержного смеха.

Но я не улыбаюсь в ответ. В голове не осталось ни одной мысли, тело забыло, как дышать, а под веками бьется пульс. Я нутром чуял, что все случится сегодня. И сцена, которую я так часто представлял на протяжении многих лет, что она запечатлелась в голове, разворачивается передо мной.

Я ступаю на мост и пристально смотрю на Костяную волшебницу. А она молча смотрит в ответ. Я притворяюсь зачарованным. И мы танцуем. Но я лишь играю. И как только мы останавливаемся, объясняю, кто я. А затем произношу имена тех, кто пострадал от рук представительниц ее рода. Имя моего отца. Имя отца Жюли и Марселя. После чего перерезаю ей горло отцовским ножом. А Жюли убивает свидетельницу. Но мы не хороним их тела. А бросаем их умирать на мосту.

— Бастьен. — Жюли трясет меня.

Сглотнув, я возвращаюсь в реальность. И потираю руки,

чтобы разогнать кровь по телу.

– Марсель, стереги дорогу... там, где ее не видно с моста. Истинный избранник Волшебницы костей может появиться в любую минуту. Но если повезет, мы к этому времени уже закончим.

– Я залезу на дерево, чтобы было удобнее наблюдать. – Марсель смотрит вверх, и его волосы прикрывают одну сторону лица.

Но судя по взгляду, он уже заморожен разнообразием деревьев над нами.

Жюли хмуро смотрит на брата.

– Не вздумай все испортить. И даже не начинай сравнивать сок, кору или что-то еще, что так тебя очаровало.

– Я смогу выполнить это задание.

– Серьезно? – Она выгибает бровь. – Так докажи это. Не сходи со своего поста, пока мы тебя не позовем. И ни секундой раньше. Мы сами расправимся с Костяными волшебницами. Не хочу потом любоваться тем, что ты ел сегодня.

– Он справится, – говорю я и наклоняюсь к уху Марселя: – Подумай о благоухании духов из роз.

Я пихаю его локтем. Сегодня вечером наша месть свершится.

Он сдерживает улыбку и незаметно кивает мне.

– Ну что, готовы? – спрашиваю я у своих друзей. – Сегодня тот момент, которого мы так долго ждали. Все должно пройти безупречно. Костяная волшебница... – я указы-

ваю в сторону моста, словно вижу ее, — смертельно опасна, ее способности, а также то, какими силами она обладает, даже трудно представить.

— Она не сможет ими воспользоваться, — говорит Жюли. — Я об этом позабочусь. Выкопаю ее кости до того, как закончится ваш танец.

Мы обмениваемся свирепыми взглядами. Я доверяю Жюли свою жизнь и уверен, что она чувствует то же самое.

— Я на тебя рассчитываю.

Марсель тянется за луком.

— Если я *увиджу* родственную душу, то должен ранить ее, верно?

Я съеживаюсь от мысли о возможной ошибке.

— Может, ты просто заболтаешь его? Волшебница костей не должна даже мельком увидеть другого парня. Это очень важно.

Марсель усмехается, словно надеется предпринять что-то еще. Но лучше бы он ничего не делал.

— Даже не думай...

Скорбный крик сотрясает воздух. Нет, не крик.

Мелодия.

Дрожь пробегает по позвоночнику и сотрясает плечи. Мне снова десять лет, и я сижу в отцовской тачке. Но через мгновение вылезая из нее и следуя за мелодией в своих маленьких башмаках, которые сшил мне отец. Мелодия разлетается вокруг. Низкие ноты напоминают старинные мотивы и про-

буждают воспоминания, которых у меня не может быть. Хатичные отголоски времени, предшествующие моему рождению, или даже рождению отца, или любой другой души, жившей и умершей на этой земле.

– Бастьен.

Жюли хватает меня за ногу, и я резко выдыхаю, осознав, что успел подняться и повернуться лицом к мосту.

– Придерживайся плана, – хрипло говорю я и выплевываю оставшиеся листья мяты.

Я в порядке. И раз уж Костяной волшебнице нужна родственная душа, мне не сложно сыграть эту роль. Я притворюсь ее возлюбленным. А затем уничтожу ее.

Жюли скрывается среди деревьев. А я пробираюсь сквозь дикую траву, разминая шею. Но стоит мне ступить на дорогу, как у меня перехватывает дыхание. Белоснежное, как одеяние призрака, платье Костяной волшебницы выделяется на фоне темных камней моста. Она настоящая. Наконец-то это происходит. Мои кулаки сжимаются. Я медленно крадусь к ней, словно вор, кем в принципе и являюсь.

Она стоит спиной ко мне, ее гладкие длинные волосы цвета темной меди спадают на спину. Мой взгляд скользит по ее прядям вниз к изгибу бедер.

И тут я понимаю, что не могу отвести глаз. Но с чего такая реакция? Я изменяю походку, начиная топтать и шаркать ногами по камням. Ступаю смело и безрассудно. *Я здесь ради тебя. Вот только опасаться надо меня, а не тебя.*

В четырех с половиной метрах от меня Костяная волшебница отнимает флейту от губ. Ее плечи поднимаются, когда она делает вдох, а затем, словно какое-то видение, поворачивается ко мне. Ее длинное платье сопротивляется этому движению и цепляется за камни моста, образуя на ткани спиралевидные складки. Девушка выглядит так, словно высечена из мрамора, как фигурки, которые так старательно создавал и высекал из камня отец. И внезапно меня окутывает жар.

Волосы Костяной волшебницы спадают на стройные плечи. Ее красота кажется несправедливой, ведь под этой оболочкой скрывается злобный хищник. Но разве я не этого ожидал? Так почему сердце бьется все быстрее?

Ее большие глаза в лунном свете кажутся темно-карими. Ресницы тоже темные, но без теплого оттенка, присущего волосам. Я подошел достаточно близко, чтобы отметить это. Я приблизился к ней еще на десять шагов, замороженный ее взглядом. Диким, уверенным, удивленным. Но я без сомнений встречаю его.

Сейчас мы оба смотрим на свою судьбу. На верную смерть. И в этот раз жертвой окажусь не я.

– Как тебя зовут? – громко спрашивает девушка, хоть голос ее и дрожит.

И тут я понимаю, как она молода. Примерно моего возраста. Неужели Костяная волшебница, убившая моего отца, была так же молода? Неужели она казалась старше лишь потому, что я сам был ребенком?

– Бастьен, – выпаливаю я, позабыв, что хотел назваться вымышленным именем.

Я собирался выдать свое настоящее имя лишь в самом конце. Но больше не допущу подобной ошибки.

– Бастьен, – повторяет она, осторожно произнося мое имя, словно никогда его раньше не слышала. И почему-то оно и мне начинает казаться особенным. – Меня зовут Аилесса.

Она вертит в руках костяную флейту, показывая свою нервозность. Или специально делает это, чтобы я решил, что она нервничает.

– Бастьен, ты был избран богами. Тебе дарована великая честь танцевать с Леуррессой. И еще большая честь, так как я наследница *famille matrone* Одивы.

– Ты приглашаешь меня на танец? – подыгрываю я, широко расставляя ноги для большей устойчивости.

Эта девушка, Аилесса, судя по всему, кто-то вроде принцессы Костяных волшебниц. Идеальная кандидатура для жертвы. Ее родственницы дважды подумают, прежде чем решиться на убийство еще одного человека.

С ее губ срывается мелодичный смех.

– Прости, я слегка забегаю вперед.

Она приглаживает волосы и, подойдя к парпету, кладет на камни костяную флейту. Но когда Аилесса оборачивается, ее взгляд полон сосредоточенности, как у охотницы или убийцы.

– Бастьен, ты потанцуешь со мной?

Я изо всех сил сопротивляюсь желанию оглянуться через плечо. Жюли уже должна находиться под мостом. И, вполне возможно, уже откопала первую кость.

Я прижимаю одну руку к груди и кланяюсь, как это делают бароны. Ремень от ножен туго впивается в одежду.

– Для меня будет величайшим удовольствием станцевать с вами, Аилесса.

6. Аилесса

Я делаю глубокий вдох, а затем выдыхаю и украдкой кошусь на Сабину. Она наблюдает за мной и Бастьеном из-за ветвей ясеня у кромки леса. Но благодаря зрению сокола я прекрасно вижу, как она прикусила верхнюю губу. Думаю, она встревожена так же, как и я. Наверное, она считает, что я не воспринимаю этот танец всерьез, как в прошлый раз, когда мы тренировались с ней. Жизель показывала движения нам обеим, и всякий раз, когда движения становились слишком интимными, я косилась на Сабину. В конце концов подруга не выдержала и захихикала, из-за чего Жизель всплеснула руками и закончила наш урок.

Я подхожу ближе к Бастьену под его неотступным взглядом. Мы почти соприкасаемся. А вскоре окажемся еще ближе друг к другу. Вот только в этот раз из-за *danse de l'amant* – танца влюбленных – мне совершенно не хочется смеяться.

Волна тепла окутывает мое тело, но я сдерживаю дрожь.
Пора начинать.

Туман окутывает мост и цепляется за подол платья, смешиваясь с белоснежной тканью, отчего оно кажется еще длиннее. Я поднимаю ногу, а затем поворачиваюсь на носке. Туман кружится вместе со мной. Губы Бастьена блестят, а рот приоткрывается, пока он смотрит на меня. А как только я останавливаюсь, он сгибает руку и тянется к моей талии.

- Еще рано, – коснувшись его запястий, шепчу я.
- Прости, – хрипло отвечает он и отшатывается назад.
- Сейчас ты должен лишь наблюдать. Это моя часть танца.

А когда наступит твой черед, я стану направлять тебя.

Он сглатывает и проводит рукой по волосам.

- Хорошо, – прочистив горло, выдыхает он.

У него такое задумчивое выражение лица, что у меня невольно возникает улыбка, но он не улыбается в ответ. Неужели все парни такие сосредоточенные? Когда-нибудь я узнаю, что вызывает смех Бастьена. Может, даже превращу это в игру и не успокоюсь, пока не найду все способы поднять ему настроение. Или...

Ты ничего из этого не сделаешь, Аилесса. Только не в этой жизни. Ведь он умрет сразу после вашего танца.

Желудок сжимается от этих мыслей, но я расправляю плечи. А затем начинаю кружиться вокруг Бастьена. Руки плавно изгибаются в воздухе, повторяя движения, которым меня научила Жизель. Я представляю жизнь в виде ее элементов. Дыхание ветра. Течение моря. Энергия земли. Жар мерцающего пламени. Вечная душа. И Бастьен следит за каждым взмахом своими глазами цвета морской волны.

«Неужели тебе не кажется жестоким искушать человека жизнью, зная, что собираешься убить его? – спросила Сабина вчера вечером, когда мы говорили о *danse de l'amant* перед тем, как отправиться спать. – Ты же не станешь целый день играть с зайцем, прежде чем съесть его на ужин?»

«Ты все равно не стала бы его есть, — ответила я, ткнув подругу в живот. — Это всего лишь танец, Сабина. Просто еще одна часть обряда посвящения. Когда я закончу, то стану Перевозчицей. И только это имеет значение».

«Только это имеет значение», — напоминаю я себе, а затем вновь начинаю кружиться, чтобы продемонстрировать Бастьену свою красоту.

Я обвожу рукой свое лицо, скольжу тыльной стороной ладони по горлу, груди, талии, бедрам.

«Ты предлагаешь свое тело, — объясняла Жизель. — Демонстрируешь свою фигуру, красоту лица, силу своих рук и ног».

Я слегка приподнимаю волосы на затылке, а затем пропускаю сквозь пальцы, чтобы Бастьен рассмотрел их каштановый оттенок, блеск локонов, волны прядей и длину.

В его глазах полыхает огонь, от которого у меня перехватывает дыхание.

Это всего лишь танец, Аилесса.

Я закрываю глаза, стараясь не думать об этом. И представляю себя в этом же платье для обряда посвящения, но не на Кастельпонте, а на мосту души. В моих пальцах крепко стиснут посох, а рядом стоят сестры Перевозчицы. На другой стороне моста, перед воротами Преисподней и Рая мама играет на костяной флейте, соблазняя своей мелодией мертвых. Я веду за собой послушные души и сражаюсь с сопротивляющимися. Я переправляю их в другие миры с той же

ловкостью и мастерством, что и Одива. А как только последняя душа пересекает мост и ворота закрываются, она поворачивается ко мне. Ее глаза сияют теплотой, любовью и гордостью, когда она с улыбкой говорит мне...

– Ты закончила?

Я распахиваю глаза. Образ мамы расплывается, и передо мной оказывается Бастьен. Он пристально смотрит на меня, слегка одергивая свою одежду, словно та раздражает кожу.

– Ты сказала, что наступит и мой черед, – подсказывает он, быстро обводя окрестности взглядом.

Это нервозность или нетерпение? Ветер подхватывает его блестящие волосы. И меня пронзает желание прикоснуться к его растрепанным длинным прядям, которые закрывают его уши и заднюю часть шеи.

– Ты мне подскажешь? – спрашивает он, и в его голосе слышны нежные и грубые ноты. – Ты...

Он опускает глаза и одергивает рукав. Даже в тусклом свете звезд и луны я, благодаря своему усиленному зрению, вижу, как на его щеках расцветает румянец. Его взгляд снова возвращается ко мне.

– Ты не будешь торопиться?

Сердце пускается вскачь. Я начинаю понимать, почему боги выбрали для меня Бастьена. Под морской гладью его глаз таится буря и сила, сопоставимая с моей.

Я откидываю волосы за спину, чтобы скрыть ножны, а затем беру руки Бастьена и кладу их себе на талию. Его при-

косновения настолько неуверенные, что я невольно выгибаю бровь. И тут же его пальцы перестают дрожать, а ладони сжимают мое тело, посылая тепло сквозь ткань моего платья.

Я подношу руки к его плечу и провожу пальцами по его скулам, подбородку и носу. Каждое движение и прикосновение имеет четкий ритм, как элементы продолжающегося танца. Я продемонстрировала Бастьену себя, и теперь пришло время посмотреть, что мне может предложить он.

Благодаря соколиному зрению я вижу каждую зеленую и золотистую крапинку в глубине его синих радужек. Я даже заметила крошечную веснушку в нижней части правого глаза. Затем мой взгляд скользит к его губам. Мне хочется прикоснуться к ним, изучить их форму, узнать, насколько они мягкие. словно это поможет понять, каким окажется его поцелуй.

Шестое чувство, полученное от тигровой акулы, бурлит под кожей от близости с Бастьеном. И оно лишь усиливается, когда я поднимаю руку и скольжу пальцами по изгибу его рта. Бастьен закрывает глаза и опалает мою кожу теплым дыханием. Приходится призвать все силы, подаренные мне горным козлом, чтобы удержаться на ногах. Мне *хочется* поцеловать Бастьена, а не просто представлять это. Поцелуй не является частью *danse de l'amant*, но он же не знает об этом.

Зато Сабина знает.

Она посчитает меня излишне жестокой, если я настолько сближусь с Бастьеном, прежде чем убить его на мосту.

Я опускаю руки на его шею и грудь, и он встречается со мной взглядом. От голода в его глазах нервы гудят все сильнее. А тело бросает то в дрожь, то в жар.

Неужели он предчувствует, чем все это закончится?

Что мой костяной нож пронзит его сердце ради доказательства богам, что я готова стать Перевозчицей.

Продолжай танцевать, Аилесса. Продолжай танцевать.

7. Сабина

Прячась за ясенем, я наблюдаю за *danse de l'amant*, разворачивающимся на Кастельпонте. И с каждой секундой мое сердце колотится все быстрее. Моя лучшая подруга вскоре убьет человека, и я поклялась стать свидетельницей его смерти.

Не зацкливайся на этом кошмаре, Сабина. Подумай о том, что хорошего это принесет. Аилесса станет Перевозчицей. И будет помогать душам умерших найти свой дом в Загробном мире. Они обретут покой... по крайней мере те, кому суждено попасть в рай.

Аилесса забирает одну из рук из ладони своего *amoué* и медленно поворачивается вокруг своей оси, а затем делает шаг назад. Как только ее спина прижимается к его груди, она поднимает руки в стороны, словно крылья, и обвивает ими его шею. Парень с легкостью подстраивается под ее движения, словно они единое целое. Они выглядят прекрасной парой. От этого вида у меня щиплет глаза, но я старательно сдерживаю слезы. Потому что пообещала себе, что не буду плакать сегодня.

Вместо этого я внимательно рассматриваю парня, который появился через несколько секунд после того, как Аилесса начала играть на флейте. Интересно, боги выбрали его потому, что он оказался поблизости, или он действительно иде-

ально подходящий ей партнер? Брови невольно хмурятся, когда я не нахожу в нем ничего отталкивающего. А все, что с первого взгляда кажется недостатками, оказывается скрытыми достоинствами. Его неловкость выглядит очаровательной, пока подруга кружится вокруг него. А серьезное выражение лица скорее говорит о выдержке, тренируемой всю жизнь.

С неохотой приходится признать, что боги сделали прекрасный выбор. Но от этого сердце щемит еще сильнее. Аилесса всегда готова на все ради меня, а теперь она получила нечто большее, чем еще одна кость благодати. Она получила обещание любви. Встретила своего *amouré*. А вот у меня, боюсь, никогда не хватит смелости, чтобы собрать последние кости благодати и пройти обряд посвящения.

Внезапно что-то черное мелькает у самого края моста, но мне хватает этого мгновения, чтобы понять, что кто-то спускается к руслу реки. Если это хищник, то его может привлечь кровь, когда Аилесса убьет парня. Я взволнованно прикусываю губу. Мне не следует вмешиваться в ход обряда, но, думаю, это правило распространяется на Аилессу и ее *amouré*, а не на то, что сейчас произошло.

Повесив ожерелье подруги на ветку, я пригибаюсь и на цыпочках крадусь к берегу реки. *Amouré* Аилессы меня не замечает. Он не отрываясь следит за тем, как она кружит вокруг него, скользя рукой по его торсу. Мне следует поспешить. И вернуться на свой пост до окончания танца. К то-

му времени очаровывающее заклятие костяной флейты спадет, и Аилесса вытащит свой костяной нож, чтобы завершить обряд посвящения. А от меня потребуется это засвидетельствовать.

Туман снова сгущается, пока я быстро спускаюсь по крутому склону. А как только достигаю дна, то тут же осматриваюсь по сторонам. Вокруг удастся разглядеть только метра на два впереди, потому что остальная часть русла реки укутана белым покрывалом. Если бы мы отправились на охоту, я бы прихватила с собой лук или кинжал, но в роли свидетельницы я совершенно безоружна. Леуррессы, участвующие в обряде, должны доказать, что искусны сами по себе.

Я осторожно продвигаюсь вперед. Благодать, полученная от саламандры, помогает мне продвигаться по неровной земле. Она также усиливает мое обоняние – способность, которую я чаще всего считала бесполезной. Но сейчас рада и этому. Ведомая запахами кожи, шерсти и легким ароматом пота, я перехожу на другую сторону, откуда доносится тихое ворчание. Звук повторяется снова, но в этот раз сопровождается тихим шорохом. Стоит подойти поближе, как из тумана возникает фигура девушки, сидящей на корточках. Она резко поворачивается ко мне, и ее капюшон слегка открывает лицо.

На долю секунды я застываю на месте, пытаюсь понять, что она тут забыла. А затем кровь в моих венах превращается в лед. Ее руки покрыты грязью, а у ног возвышается горстка

земли. Видимо, она отыскиала это место по взрытой почве.

Девушка напрягается, готовясь напасть или убежать. Мое сердце колотится, словно безумное, пока я оцениваю ситуацию. Она еще не выкопала кость благодати Аилессы, потому что подруга заметила бы потерю и крикнула мне. А значит, у меня еще есть время помешать планам девушки.

Я бросаюсь к ней. Но она уворачивается и откатывается в сторону. Я резко разворачиваюсь к ней и понимаю, что она уже успела вскочить на ноги и теперь сжимает в руке нож. Нервы опаляет огнем, но я проглатываю зародившийся внутри крик о помощи. Аилессе необходимо сосредоточиться на парне.

Девушка прыгает ко мне, пытаясь порезать ножом. Но мне нечем парировать удар, так что приходится подставить руку. Боль тут же пронзает тело, когда клинок разрезает одежду и впивается в кожу. Резко вдохнув, я отштырываюсь назад.

Успокойся, Сабина. Ты исцелишься. Это единственное, что у тебя хорошо получается.

Я подхватываю с земли камень величиной с кулак.

– Думаешь, сможешь остановить меня? – шипит девушка. – Я готовилась к встрече с тобой.

Я бросаю камень ей в голову. Но она с легкостью уклоняется от него и с усмешкой перебрасывает нож из руки в руку.

– У тебя всего одна кость, – говорит она. – Уверена, что даже не вспотею, убивая тебя.

Она знает о костях благодати? Я нащупываю еще один ка-

мень.

– Кто ты такая?

– Дочь человека, которого убила Костяная волшебница. – Девушка практически выплевывает эти слова. – Ашена целый год притворялась, что любит его, а потом прокляла и оставила умирать. Медленно. Мучительно.

Ашена?

Мой рот приоткрывается. Раньше она заплетала мне волосы. А когда умерла моя мать, подарила морскую раковину с жемчужиной.

– Ашена любила *твоего отца*?

Мне никогда не приходило в голову, что у *amouré* могут быть свои дети.

– *Притворялась*, – поправляет девушка. – Она обманывала его.

– Неправда. Ашена не убивала своего *amouré*. Вернее, не сделала этого напрямую.

Она призналась в этом *famille*, когда вернулась в Шато Кре. Да и если бы она *убила* своего *amouré* ритуальным кинжалом, то связующая души магия сохранила бы ей жизнь.

– Ашена умерла за то, что полюбила его, – выдавливаю я сквозь сжавшееся горло.

Это произошло внезапно. Примерно через год после ее возвращения.

Глаза девушки в капюшоне застилает пелена от раздражающих ее чувств и смущения.

– Это не имеет значения. Смерть Ашены не исправит того зла, что причинили моему отцу.

– А что исправит? – Я тяну время, чтобы отыскать камень, хотя догадываюсь, каким будет ответ.

– Твоя смерть, – усмехается она. – И смерть твоей подружки.

– Тебе никогда не победить Аилессу.

– Нет, у нас все получится.

У нас?

Она резко бросается к вскопанной земле. Я бросаю в нее камень, и тот врежется в плечо. Девушка охает, но не останавливается.

И уже через мгновение вытаскивает руку из земли. В ее кулаке виднеется кость из крыла сокола. Я помню тот день, когда Аилесса выпустила стрелу и подбила птицу. Она отдала мне самое длинное из ее перьев.

Гнев разрастается во мне, словно лесной пожар.

И я бросаюсь на девушку в капюшоне. Сердце переполняется чистой яростью. Но пропускает удар, когда воздух пронзает крик Аилессы, наполненный ужасом:

– Сабина!

8. Аилесса

На тело наваливается тяжесть, отчего ноги соскальзывают с носков на пятки. В глазах исчезают фиолетовые тона, а вместе с ними и четкость зрения. Я вырываюсь из рук Бастьена, невольно поднимая руку к основанию моего горла. Кость от крыла сокола с моего ожерелья исчезла. Вернее, сейчас она не в ожерелье, а...

Я подбегаю к перилам моста и смотрю вниз. Сквозь туман, устилающий русло реки, ничего не видно, но до меня доносятся звуки борьбы.

Происходит явно что-то ужасное.

– Сабина!

Я старательно пытаюсь услышать ответ, но разносятся лишь глухие удары и ворчание.

А затем воздух пронзает крик Сабины:

– Аилесса, беги!

Я замираю. Пальцы стискивают обломанные перила. Я *не могу* убежать. Сабина явно в опасности. К тому же мне нельзя сходить с моста. Еще рано. Ритуальная магия все еще жива. И мне предстоит сделать выбор. О судьбе Бастьена. Нет. О каком выборе идет речь? Я должна убить его. Прямо сейчас.

Все тело стремится помочь Сабине, но я заставляю себя повернуться и посмотреть Бастьену в лицо.

– Мне очень жаль.

Я не должна извиняться. Стать моим *amoué* большая честь. И смерть от моей руки – тоже. Я тянусь к костяному ножу за спиной.

– А мне нет, – говорит он, *тоже* убирая руки за спину.

И когда я вытаскиваю свой нож, он достает целых два. Я удивленнозираю на них.

– Что это?

– Это... – вся нежность и неуверенность, отражавшаяся на его лице, сменяется злобной гримасой, – месть.

И тут же бросается в атаку. Я отпрыгиваю назад. Меня не учили драться на ножах. Ведь охота на животных требует немного других умений.

– За что? – выпаливаю я. После танца, который мы только что разделили, его поведение задает мою гордость. – Что я тебе сделала?

Его ноздри раздуваются. А ярость хлещет волнами. Мой позвоночник покалывает от шестого чувства в ожидании его следующих действий.

– Одна из вас убила моего отца, – сквозь зубы выдавливают он таким тоном, словно Леуррессы не люди, а животные. – Я был *ребенком*. И видел, как он умирал. Костяная волшебница перерезала ему горло и забрала жизнь.

От этих слов желудок болезненно сжимается.

– Тебя... тебя не должно было там быть. Ты не должен был это видеть.

– И это все, что ты можешь мне сказать? – Бастьен усмехается, а его нос морщится от ненависти. – Мой отец *умер*. Хороший, добрый, удивительный человек умер, потому что по воле случая вступил не на тот мост.

«Меня там не было. Это сделала не я!» – но я не стала озвучивать эти слабые оправдания.

– Это произошло не по воле случая. Его выбрали боги.

– Да? – Он подходит ближе. – Так что ж это за боги такие, что отрывают мужчину от его семьи и позволяют умереть от руки женщины, которую он никогда не знал?

Насмешка поражает в самое сердце, круша святость *amouré*. Не будь это велением богов, Леуррессы считались бы убийцами. Какое богохульство! Я отказываюсь верить...

– Ты ничего не знаешь!

– Я знаю о твоей черной душе – и о тех, кто принадлежит твоему культу – больше, чем мне бы хотелось.

Бастьен вновь атакует меня, и мне едва удастся увернуться от его ножа. Я лишилась привычной скорости, когда потеряла кость от крыла сокола. Он ухмыляется. А в его глазах читается: «Я легко с тобой справлюсь». Словно я саламандра Сабины без острых зубов и когтей. Но он ошибается. Ухмыльнувшись в ответ, я поднимаю руку с ножом. Мне довелось взбираться на ледяные горы, чтобы убить горного козла. И нырять в море, чтобы одолеть тигровую акулу. Бастьен по сравнению с ними ничто. Ничем не выделяющийся парень с двумя ножами. Парень, которому и так суждено умереть.

Я наношу свой удар. Но он блокирует его своим ножом. И тут же пытается атаковать вторым. Но я успеваю схватить его за запястье – стоило сосредоточиться, как удалось воспользоваться скоростью тигровой акулы – и с силой пинаю его в грудь. Бастьен отлетает метра на три и падает на землю.

Его глаза расширяются от удивления. А я удовлетворенно вздыхаю.

– Жюли! – кричит он. – Она все еще сильна.

– Знаю, – раздается женский голос.

Запыхавшийся. *Она под мостом сражается с Сабиной.*

– Так это твоя подружка выкрала мою кость от крыла сокола? – Я подкрадываюсь к Бастьену, а он не поднимаясь пятится назад. – Я убью ее, как только разберусь с тобой... А затем расправлюсь с тем, кто сидит на дереве у дороги.

Сейчас, когда мне удалось сосредоточиться на своих ощущениях, я поняла, что среди ветвей метрах в восьмистах от нас прячется третий человек. Оттуда доносится гудящая энергетика, и, судя по ее силе, это явно человек, а не птица.

Бастьен напрягается и украдкой бросает взгляд в ту сторону.

– У тебя не будет такой возможности. Никогда, – выпаливает он.

И тут же замахивается рукой, чтобы сбить меня с ног. Я подпрыгиваю, но он вновь пытается свалить меня. Бастьен пугающе быстр для человека, не обладающего благодатью. *Видимо, он готовился к нашей встрече.*

Резко вскочив на ноги, он слегка приседает и вновь атакует у самой земли. Я отскакиваю назад и перепрыгиваю с ноги на ногу. Но моей ловкости, полученной от горного козла, мешает длинное платье. *Проклятая Айла.*

Я врезаюсь спиной в перила моста. Бастьен загнал меня в угол и прекрасно знает это. Я метая в него свой нож, но парень успевает увернуться, и тот лишь слегка задевает его плечо. Видимо, он прятал ножны под своим плащом. А мой костяной нож скользит по мосту и скрывается в темноте.

Я бросаюсь вслед за оружием, но Бастьен наступает на шлейф моего платья. И мне ничего не остается, как оторвать подол. Он вновь атакует меня ножом, но я пользуюсь благодатью горного козла и вспрыгиваю на перила моста. Они узкие, меньше тридцати сантиметров шириной, но я легко ловлю равновесие, оказавшись в своей стихии. Но при этом остаюсь легкой мишенью.

К моему удивлению, Бастьен даже не пытается швырнуть в меня ножом. Вместо этого он одним быстрым и плавным движением вскакивает на парапет в двух метрах от меня и поворачивается ко мне лицом. Я приподнимаю бровь и отвечаю ему дерзкой улыбкой. Он явно оттягивает момент атаки. Забавно. Неужели он считает, что этим пугает меня?

– Боги сделали прекрасный выбор, – признаю я, отметив, с каким бесстрашием он вскочил на перила и теперь находится в сорока метрах от русла реки.

Но ему не сравниться с моим мастерством. Меня ведь то-

же тренировали, как сражаться с душами умерших, ни больше ни меньше. И для этого мне не нужен нож.

– Твоя смерть доставит мне несравненное удовольствие, – добавляю я.

Он усмехается и пинает костяную флейту, лежащую на перилах. У меня перехватывает дыхание, пока я наблюдаю, как она скрывается в тумане, застилающем речное русло. Если она сломается... Если я ее потеряю...

– Упс, – ухмыляется Бастьен.

И пока я все еще прихожу в себя, бросается на меня. Но я отскакиваю и, выгнувшись, исполняю переворот назад. А затем вновь приземляюсь на ноги и совершаю еще один переворот. Но он не отстает. Я чувствую его близость шестым чувством акулы. А когда вновь выпрямляюсь, его ножи оказываются у моего горла и сердца. Я хватаюсь за рукояти, стараясь удержать их от удара. На его висках выступают вены, когда он прикладывает все свои силы, чтобы пронзить меня клинками.

– Боги не выбирали меня, – выдыхает Бастьен, сражаясь с железной хваткой моих рук. – Я специально охотился за тобой.

– Ты бы не мог вступить на мост, если бы боги не разрешили этого. Твоя жизнь принадлежит *мне*.

Дернув его левую руку на себя, я вырываю из его пальцев нож. Но это оказывается лучший из них. Бастьен отскакивает назад, прижимая к себе второй нож. Интересно, чем он

ему так нравится?

– Жюли, твоя помощь бы очень пригодилась! – кричит он. Но она не отвечает. Никто из них не отвечает.

– Сабина! – зову я.

Только и в этот раз тишина, нарушаемая лишь завываниями ветра.

На мгновение туман рассеивается, и мне удастся разглядеть на пересохшем дне реки распластанную фигуру.

Сердце пускается вскачь. Жива ли она? Шестым чувством я ощущаю слабую энергетику, но ее может излучать и вторая девушка.

– Если Сабина мертва, – мой взгляд падает на Бастьена, – твоя смерть будет медленной. И я не стану закапывать твои кости, а стану носить их. Я вырву их из твоего тела еще до того, как ты испустишь последний вдох.

Никто из Леурресс не носил кости своих *amouré*, но мне плевать. Этот обычай начнется с меня.

Бастьен стискивает челюсти.

– Если Жюли мертва, я снесу твою голову.

– У тебя не появится такой возможности.

Я выставляю нож перед собой, словно щит, как делает и он, не опуская рукоятку ниже лица, постоянно вращая им. Я быстро изучила его защиту и переняла его тактику. Так что смело бросаюсь на Бастьена, и мы начинаем новый танец, но в этот раз более смертоносный, более страстный, более разгоряченный.

Я отражаю его удары. Он отклоняет мои. Предплечье сталкивается с предплечьем. Теперь я не разгибаю локти, а быстро бросаюсь в новую атаку. Бастьен прекрасный учитель. И это погубит его. Ведь хищницы вроде меня самые хитрые ученики.

Он легко ступает по узкому парапету. А сжигающая его жажда мести – сама по себе благодать.

Как только я изучаю ритм его движений, то решаю рискнуть. Начинаю прикладывать больше сил, нанося удары. И Бастьен невольно начинает отступать назад. Может, он и храбр, но явно слабее меня. Я с легкостью могла бы переломать ему кости. Может, так и случится.

Пот заливает его лоб. А с губ срываются стоны, когда он встречает каждый мой удар, блок или контратаку. Мне так и хочется подтолкнуть его к пределу, посмотреть, когда наступит переломный момент. И если Сабина ранена, у меня все еще есть возможность ей помочь. *Прошу, Элара, пусть она окажется лишь ранена.*

– Спасибо за танец, *mon amouré*, – говорю я.

– Ты называешь это танцем? – Бастьен атакует меня в лицо, а затем в ногу, ловко перекидывая ножи из руки в руку.

– Прости, но разве это сражение? – Я уклоняюсь от обеих атак благодаря благодати горного козла. – Мне бы очень хотелось с тобой побороться, но, боюсь, у нас нет на это времени.

– И почему же? Неужели ты устала? Неужели ты расте-

ряла всю свою выносливость, лишившись одной маленькой птичьей косточки.

Мои ноздри раздуваются. Он даже не представляет, с кем столкнулся.

– Но у меня все еще осталась благодать тигровой акулы и огромного альпийского горного козла.

– Сила, которую ты украла.

– Сила, которую я заслужила.

– Но и ее тебе не хватит, чтобы победить меня.

Вены опалает жгучая ярость. *Пришло время попрощаться с жизнью, Бастьен.*

– Рада продемонстрировать, что это не так.

Призвав благодать горного козла, я подпрыгиваю в воздух метра на три и стискиваю нож в двух руках. Свирепость и сила тигровой акулы наполняет тело. А взгляд не отрывается от Бастьена, стоящего на перилах внизу. С такой высоты он выглядит очень маленьким. Уязвимым.

Бастьен встает в защитную стойку, а его глаза широко раскрываются в ожидании удара. И я обрушиваюсь на него.

За мгновение до моей атаки он замахивается кулаком. Но моя скорость снижается. А напряжение, гудящее в теле, спадает. Он ударяет по моей руке, выбивая нож из пальцев. Тот падает в редящий туман и лязгает о камни на дне русла реки.

Пытаясь справиться с потрясением, я едва удерживаюсь на перилах. Мышцы сводит судорогой в знак протеста. В гла-

зах слегка тускнеет. А энергия окружающего мира больше не будоражит тело, потому что шестое чувство исчезло.

Акулий зуб! Его схватила сообщница Бастьена.

– Сабина! – снова зову я.

Слезы щиплют глаза, когда я вспоминаю обмякшую фигуру на земле. Она должна выжить.

Я прощалась с мыслями об обряде посвящения. И не стану убивать Бастьена здесь и сейчас. Я выслежу его позже, даже если на это потребуется год. А затем пущу ему кровь.

– Я иду, Сабина!

Только живи. Только живи.

Но когда я отталкиваюсь от перил моста, Бастьен хватается меня за руку. Дыхание перехватывает от его болезненной хватки. Мне не вырваться, ведь он на самом деле не так уж и слаб.

– Отпусти, – кричу я.

У меня еще сохранилась благодать от горного козла, которая дает мне силу в ногах. Я пинаю его в голень. Бастьен морщится от боли, но не отпускает меня.

– Дай помочь подруге. Она невиновна.

– То есть ты признаешь свою вину?

Бастьен дергает меня к себе, когда я вновь замахиваюсь, чтобы пнуть его, а затем приставляет нож к моему горлу. Я сглатываю, чувствуя острый клинок у кожи. Он может оборвать мою жизнь в любой момент.

Это ужасно неправильно. Amougé не должен убивать свою

Леуррессу.

Такого никогда не случилось за все годы нашего существования.

И мне не верится, что это случится со мной.

Дыхание Бастьена овевает мое лицо.

– Ни одну из вас нельзя назвать невиновной.

9. Бастьен

Аилесса не закрывает глаза в ожидании смерти. А смотрит прямо на меня. Ее тело сотрясает дрожь, когда я прижимаю острое клинка к ее коже, но она даже не моргает. Она боится этого момента, но не того, что последует за этим. Не боится смерти. Загробной жизни. Того, чего даже я не могу себе представить, когда думаю о своем отце.

Не сомневайся, Бастьен.

– За Люсьена Кольберта.

Мои предплечья сгибаются. Сердцебиение эхом отдается в голове. А темные глаза Аилессы блестят.

– Бастьен, останови ее! – крик Жюли доносится из призрачного тумана, устилающего речное русло. – Покончи с ней.

Аилесса резко втягивает воздух, а ее ноги слегка подкашиваются.

Что Жюли имела в виду?

– Сейчас покончу.

– Я про другую!

Позади раздается шорох падающих камней. Я оглядываюсь через плечо и вижу, как темноволосая девушка в зеленом платье – свидетельница – поднимается по берегу реки у подножия моста. По ее раненой голове струится кровь.

– Сабина! – Крик Аилессы звенит у меня в ушах.

Она пытается высвободиться, и у нее почти получается из-за того, что я отвлекаюсь.

Сабина замечает нож, приставленный к шее ее подруги, и ее лицо искажается от ужаса.

– Отпусти ее! – кричит девушка и бросается ко мне.

Я напрягаюсь. Кто знает, вдруг она обладает силой медведя? Но как только девушка вступает на мост, ее слегка покачивает в сторону.

Она тут же хватается за перила, чтобы удержаться на ногах. Еще одна струйка крови сбегает с ее волос.

– Сабина, стой! – плачет Аилесса. – Ты не можешь драться в таком состоянии.

– Ты тоже не можешь, – упрямо отвечает Сабина дрожащим голосом.

– Ты не должна вмешиваться.

– Мне все равно.

– Прошу, уходи!

– Я не уйду без тебя!

– Ты не можешь спасти меня! Предупреди мою мать. Скажи ей, что флейта упала в русло реки и...

Я перестаю слушать. Мое внимание приковывает лунный свет, отражающийся от клинка. Мышцы на шее Аилессы напрягаются у самого его основания. Чего я жду? Что она закричит или еще сильнее испугается? Этот момент должен привести к моей окончательной победе. И вскоре она наступит. Я могу перерезать горло одной Костяной волшебнице,

а затем и второй.

Я решительно стискиваю зубы, но желудок сжимается в комок.

Сделай это, Бастьен!

– Бастьен, свидетельница! Она убегает! – голос Жюли звучит ближе.

Она карабкается вверх по берегу реки, вслед за Сабиной.

Я резко поворачиваюсь в сторону второй Костяной волшебницы. Она уже сошла с моста и столкнется с Жюли в любой момент.

– Ты доберешься до нее раньше меня! – кричу я.

– Беги! – призывает подругу Аилесса.

Удар, замах, удар.

Жюли, хромя, взбирается на берег. Сабина пытается пройти мимо нее, но Жюли выхватывает свой нож. Костяная волшебница вскрикивает, когда клинок разрезает кожу на ее талии.

– Нет! – Аилесса пытается вырваться из моих рук. – Беги, Сабина!

Девушка уворачивается от очередной атаки Жюли. Видно, что им обеим непросто от полученных ран.

Жюли снова промахивается. Сабина зажимает порез и пинает раненную ногу Жюли. Та резко вскрикивает и хватается за свое колено.

Мышцы Аилессы напрягаются.

– Это твой шанс! Уходи, Сабина!

Костяная волшебница бросает на подругу свирепый взгляд.

– Я вернусь за тобой!

И она убегает к лесу, стараясь двигаться так быстро, как только позволяет ее состояние. Одной рукой она сжимает кровоточащую рану на голове, а второй – порез на талии.

Жюли с трудом встает на ноги.

– Бастьен, нужно что-то сделать! Она вернется и приведет за собой остальных Костяных волшебниц. Она сказала, они смогут выследить нас с помощью своей магии.

Я переступаю с ноги на ногу, а в голове возникает множество противоречивых мыслей.

– Марсель бы сказал нам, если бы они умели это делать!

– Марсель не может знать всего!

Она замолкает и смотрит вслед Сабине. *Марсель*. Он спрятался в стороне от дороги среди деревьев, чтобы дожидаться появления родственной души Аилессы. Но сейчас он нужен мне здесь. Он может опровергнуть слова Жюли. Я громко зову его, но он не отвечает.

Аилесса ухмыляется.

– Вы даже не представляете, во что вам обойдется сегодняшняя ночь.

Я слегка отодвигаю нож от ее горла. Интересно, что она знает? Я продумывал план мести множество раз, каждый возможный сценарий. Если одна из Костяных волшебниц сбежит, мы планировали убить вторую, а затем...

– Брось ее кости! Те, что выкопала под мостом.

Я слегка дергаю Аилессу, и она едва не падает с перил. Видимо, Жюли успела украсть ее последнюю кость, а вместе с ней Аилесса лишилась и своего равновесия.

– Их магия связана с ними. И если их не будет у нас, другие Костяные волшебницы не смогут нас отыскать.

Сабина замирает, не доходя до границы леса метра три. Ее затуманенные болью глаза вспыхивают при взгляде на Аилессу. Жюли поворачивается и смотрит на меня. Я киваю, показывая, что совершенно серьезен. Я убью Аилессу, а потом выслежу ее подругу.

Но даже если Сабине удастся сбежать, нам не стоит беспокоиться.

Аилесса все так же уверенно смотрит на меня.

– Они все равно отыщут тебя.

Я фыркаю.

– У них ничего не получится. Я живу на улицах Довра с самого детства. И прекрасно знаю все укромные места в городе и под ним. Это *моя* территория.

– Тебе это не поможет, – выплевывает она. – Моей *famille* не понадобятся мои кости благодати, чтобы выследить тебя. Наши души связаны. И им этого достаточно. – Она выпрямляется, царапая кожу о клинок, отчего по шее начинает струиться кровь. – Ты прав, наша магия заключена в костях. И именно их я использовала, чтобы призвать тебя сюда. Ты пришел, услышав мою песню, и боги позволили тебе

вступить на мост, потому что их выбор пал на тебя. Теперь твоя душа принадлежит мне и в жизни, и в смерти. – Туман расползается у нее за спиной, цепляясь за ее тело. – Так что если ты убьешь меня, то умрешь вместе со мной.

Мои ладони покрывает испарина. Но я крепче сжимаю нож.

– Отличная попытка заговорить мне зубы, но ты ужасная лгунья.

Я сильнее вдавливаю нож в ее кожу.

– Бастьен, подожди! – кричит Жюли. – Вдруг она говорит правду?

– О чем? Что я не смогу жить без нее? – усмехаюсь я. – Ты действительно в это веришь?

– Подумай. Что, если мой отец умер именно потому, что его душа оказалась привязана к Ашене? Она умерла вскоре после того, как ушла от нас... свидетельница сегодня рассказала мне об этом. Ее смерть могла повлечь за собой его смерть.

С губ срываются тяжелые, быстрые вздохи. Неужели моя душа привязана к Костяной волшебнице? Волны жара и озноба пронизывают мое тело. Если бы Аилесса говорила правду, то смерть не пугала бы ее так еще пару минут назад. С другой стороны, действительно ли это испуг? Я уловил искру неуверенности, скрывающуюся за ее страхом.

Марсель не знает всего.

Может, я продумал *не все* варианты развития сегодняш-

него вечера. *Мне необходимо убить Аилессу.* Слова прожигают меня изнутри, когда я прижимаюсь к ней еще ближе. Нога девушки соскальзывает с края моста. Но я отдергиваю ее назад. Клинок дрожит у самого ее горла.

– Бастьен, стой! – молит Жюли.

– Заткнись!

Я готовился к этому моменту восемь долгих лет. И не собираюсь отпускать ее.

– Вы уже закончили? – зовет Марсель.

Его фигура медленно проявляется из тумана, пока он ковыляет к мосту. А Сабина уже достигла края леса у него за спиной. Марсель не видит девушку. Он пробрался к нам среди деревьев.

– Я не увидел ни одной родственной души, – признается он, продолжая болтать. – Может, этот человек живет на острове. Или настолько же медлителен, как патока или кристаллизовавшийся мед. Он гуще. – Шорох шагов затихает, когда он останавливается и обводит нас взглядом. Аилессу. Жюли. Меня. – О. Значит, не закончил.

– Свидетельница, Марсель! – Жюли машет руками словно безумная, не в силах добраться до девушки с раненой ногой. – Скорее! Она приведет других Костяных волшебниц. Они убьют Бастьена!

Марсель оборачивается и молча смотрит на Сабину, согнувшуюся в нескольких метрах от него от очередного приступа головокружения.

– Слышал, что сказал твой друг? – шепчет Аилесса мне на ухо. – Он не видел другой родственной души.

Я поворачиваюсь к ней и натыкаюсь на зияющую черноту зрачков.

– Ты *мой*, – говорит она.

С невероятной для него скоростью Марсель скидывает рюкзак и вытаскивает стрелу из колчана.

– Нет! Сабина, беги! – ахнув, кричит Аилесса.

Та с трудом поднимает голову. Она выглядит пугающе с кровью, размазанной по лицу и над одним глазом.

Марсель натягивает тетиву лука. Но его плечи сгибаются, словно его вот-вот стошнит.

– Беги! – вновь кричит Аилесса.

Вздрогнув от звука, Марсель выпускает стрелу. Она проносится мимо Сабины, едва не задев ее голову. Но это приводит девушку в чувство, и, схватив что-то с дерева, она устремляется прочь. Лес тут же скрывает ее из виду.

– *Merde!* – восклицает Жюли и склоняется над землей.

Спина Аилессы расслабляется под моими пальцами. Полный злорадства взгляд возвращается ко мне, а челюсти сжимаются. Ее подруге удалось сбежать, к тому же она уверена, что я не посмею перерезать ей горло, потому что наши души связаны. По крайней мере, так считает она. Но я вскоре выясню это. А затем заставлю ее страдать. Она станет умолять меня убить ее.

– Ты *умрешь*, Костяная волшебница. – В моем язвитель-

ном тоне слышится убийственная ярость. – Потому что *ты*
моя.

10. Сабина

Я пробегаю мимо Шато Кре и резного герба короля Годара с вороном и розой. Огонь и лед пронзают мои вены с каждым ударом сердца.

Аилесса погибла. Ее убил amouré. Я опоздала.

Я вытираю слезы дрожащими руками. И пальцы тут же покрываются кровью. Она повсюду – на шее, на волосах, на платье, на рукавах.

Но перед глазами стоит не это, а горло Аилессы. Камни Кастельпонта. Нож ее *amouré*.

Я зажмуриваюсь. *Успокойся, Сабина. Ты не можешь знать наверняка, что Аилесса мертва.*

Парень колебался. Возможно, он так и не смог убить ее. Возможно, ей еще можно помочь.

Я мчусь по высеченным приливом туннелям под древним замком, а затем по последнему туннелю во внутренний двор. Ночь уже почти закончилась, но Одива наверняка еще бодрствует в ожидании нашего появления.

Как мне объяснить ей, что произошло? Это все моя вина.

Я уже вижу впереди двор, когда вновь накатывает головокружение. Стиснув зубы, я упираюсь рукой о стену туннеля. Благодать, полученная от саламандры, помогла мне оправиться от нападения девушки в капюшоне, но я потеряла слишком много крови. По дороге сюда я едва не лишилась

сознания, так что даже пришлось опуститься на землю и зажать голову между колен. Но это стоило мне драгоценного времени. Я не могу допустить это снова.

– За последние два года я сделала для тебя все, что могла. – Голос Одивы чуть громче шепота, но он отдается от стен большой пещеры.

В груди все сжимается. И на мгновение мне кажется, что она обращается ко мне – ведь моя мать умерла два года назад, – но, когда черные пятна перед глазами исчезают, я вижу *matrone* в центре двора в свете огромной луны. Она стоит ко мне спиной, раскинув руки в стороны. Она молится – полностью отдаваясь мгновению, – иначе уже заметила бы меня. Шестое чувство, полученное от ската, и эхолокация, позаимствованная у летучей мыши, предупредили бы ее о моем появлении.

– Время на исходе, – продолжает она. – Дай мне знак, Тирус. Дай понять, что ты чтешь мои жертвы.

Тирус? Я перевожу взгляд на ладони Одивы. Они обращены вниз, к Подземному миру, а не вверх, к ночным небесам. Я хмурю брови. Леуррессы поклоняются Тирусу – мы приводим к нему души нечестивых в ночь переправы, – но все молитвы обращаем к Эларе, которая слышит мольбы праведников. По крайней мере, меня учили именно этому.

Я отталкиваюсь от стены. Сейчас это не имеет значения. Аилесса в опасности.

Я готова молиться любому из богов, лишь бы спасти ее.

– *Matrone!*

Одива напрягается. Я вступаю в серебристый свет Огня Элары, и *matrone* тут же поворачивается ко мне лицом. Но я замечаю, что в руках она сжимает какой-то кулон на золотой цепочке, поверх трехъярусного ожерелья с костями благодати. Она быстро прячет это в кармане, но мне удастся уловить красный отблеск.

– Сабина. – Ее черные глаза сужаются, когда она скользит взглядом по ранам у меня на руке, голове и талии. И тут же возвращается к моему лицу. – Что случилось? – Ее нижняя губа начинает едва заметно дрожать. – Аилесса тоже ранена?

И в этот момент я чувствую, насколько сложно мне смотреть ей в глаза. У меня пересыхает в горле, а слезы прокладывают свой путь по щекам.

– Мы оказались не готовы, – выдыхаю я, не зная с чего начать.

Одива подходит так близко, что череп летучей мыши, прикрепленный к ее короне из позвонков гадюки, нависает надо мной.

– Не готовы? К чему?

– Встрече с ее *amouré*. В отличие от него самого. И его сообщников. Их оказалось двое. Они знали кто мы. И хотели убить нас.

Между темными бровями *matrone* появляется морщина от ярости и замешательства.

– Ничего не понимаю. Аилесса самая многообещающая

из Леурресс за последнее столетие. — Этого комплимента она никогда не говорила моей подруге. — Как могли какие-то простолюдины... — Ее голос срывается, словно она не может вдохнуть воздуха.

— Девушка выкопала кости благодати под мостом. — Я протягиваю руку вперед из-за спины и показываю пустое ожерелье Аилессы.

Как свидетельница, я должна была вновь привязать к нему кости благодати. Стыд прожигает меня изнутри и опалает щеки. До сегодняшнего дня я верила, что моя лучшая подруга непобедима, но мне следовало закопать ее кости поглубже и лучше их охранять. И тогда Аилесса смогла бы защититься.

— Девушка заявила, что ее отца убила Ашена, и *amouré* Аилессы, видимо, вызвался помочь ей отомстить.

Одива распрямляет плечи. Легкий ветерок треплет ее волосы цвета воронова крыла и сапфировое платье, но тело словно застывает. Наконец ее губы начинают шевелиться.

— Она жива? — шепотом спрашивает она. — Они убили мою дочь?

Прерывистое рыдание вырывается у меня из груди.

— Я не знаю.

Она хватает меня за подбородок.

— Где костяная флейта?

Озноб холодными струями скользит по спине, когда ее черные глаза прожигают меня. Я никогда не видела на лице

Одивы такой злобы и отчаяния.

– Она... – *лежит на дне русла реки.* – Они забрали ее.

Одива скрипит зубами.

– Ты уверена? – медленно и многозначительно произносит она.

– Да.

Желудок сжимается. Я никогда не лгала *matrone*. Не знаю, почему решила на это сейчас. Если не учитывать зловещее чувство, предупреждающее, что Одива не должна получить костяную флейту. Особенно потому, что она больше озабочена потерей инструмента, чем своей дочерью.

– Мы должны отправиться за Аилессой прямо сейчас. Если она еще жива, ей понадобится наша помощь.

Одива резко отворачивается от меня.

– Ты хоть понимаешь, что натворила, Сабина?

– Я...

Я отступаю назад. Одива никогда раньше не ругала меня. Она обрушивала всю свою злость на Аилессу.

– Как ты могла допустить это? Ты тоже лишилась своих костей благодати?

«Кости», не «костей». Она у меня одна. И это так жалко.

– Я пыталась помочь, но меня ранили.

– Это не оправдание. Ты должна была призвать свою благодать, чтобы она исцелила тебя.

Я смотрю на нее с открытым ртом, совершенно не зная, что сказать. Мое тело покрывает засохшая кровь, а сил едва

хватает, чтобы держаться на ногах. Благодать, полученная от саламандры, возможно, и ускорила мое исцеление, но полученные под Кастельпонтон раны оказались слишком глубокими.

– Простите меня.

Она качает головой и начинает расхаживать по двору. Ее платье взмывается у ног при каждом шаге. Я едва узнаю женщину передо мной. Она совсем не похожа на хладнокровную и собранную *matrone*, которая правит нашей *famille*.

– Это твой знак? – Ее наполненный яростью крик эхом отражается от стен пещеры.

Я вздрагиваю, хотя она явно обращается не ко мне. Я не знаю, о каком знаке говорит Одива, но ее глаза цвета оникса обвиняюще смотрят в землю.

Через пару мгновений трое старейшин – Дольсса, Пернелль и Роксана – выбегают во двор из разных туннелей. Их волосы и одежда перепачканы, а в глазах светится настороженность. Оказавшись во дворе, они тут же скользят по нему взглядом, словно выискивают опасность.

– Все в порядке, *matrone*? – спрашивает Дольсса.

Одива сжимает в кулаке кулон из красного драгоценного камня – или что-то подобное, что она прячет под вырезом своего платья.

– Нет, не в порядке.

Она с трудом втягивает воздух и ослабляет хватку.

Взгляд Пернелль устремляется ко мне и останавливается

на моем измазанном кровью лице.

– Аилесса... что с ней?

– Она жива, – отвечаю я.

Прошу, Элара, пусть это окажется правдой.

– Но ей нужна наша помощь, – добавляю я, а затем рассказываю им короткую версию произошедшего.

Matrone сжимает руки и вновь принимается расхаживать по двору.

– Разбудите остальных старейшин, – приказывает она трем Леуррессам. – А затем отправляйтесь на поиски моей дочери. Начните с... – она выразительно смотрит на меня.

– Кастельпонта.

Одива закрывает глаза.

– Ну конечно же, Аилесса выбрала Кастельпонт.

– Мы найдем ее, *matrone*, – уверяет Роксана и машет рукой своим спутникам.

Они быстро скрываются в туннелях, чтобы собрать остальных. И я спешу вслед за ними.

– Мы еще не закончили разговор, Сабина.

Я застываю от ее слов, а затем поворачиваюсь к ней. Одива вернула свое самообладание, но что-то в ее бледной, почти прозрачной коже – кажущейся еще более бледной в лунном свете – вызывает покалывание на коже.

Она медленно подходит ко мне.

– Тебя обучали различать Скованные и Освобожденные души? – спрашивает она, словно я ребенок, только начавший

изучение основ переправы душ, а сейчас самое подходящее время для урока.

– Да, – осторожно отвечаю я и украдкой кошусь через плечо.

Старейшины ушли со двора, и мне не хочется, чтобы они покидали замок без меня. Зачем Одива завела этот разговор сейчас?

– Освобожденные – это души, что вели праведную жизнь и заслужили вечность в Раю Элары, – говорю я. – А Скованными называют дурные души, которые творили зло и приговорены к наказанию в подземном мире Тируса.

Одива кивает и подходит ближе.

– Это может подождать, *matrone*? Аилесса...

– Старейшины отправятся на поиски Аилессы.

– Но...

– У тебя всего *одна* кость благодати, Сабина. Сейчас ты ничего не можешь сделать, чтобы спасти ее.

Ее слова бьют в самое сердце, и они так похожи на те, что сказала мне Аилесса на Кастальпонте: «Ты не сможешь спасти меня!» Я поверила своей подруге. И решилась отправиться за помощью.

– Однако есть то, что ты можешь сделать, – продолжает Одива. – Но для начала выслушай меня. И постарайся понять.

Она делает еще один шаг ко мне, а я невольно отступаю назад. Ненавижу эти ласковые нотки в ее голосе. Мне не хо-

чется получать и каплю нежности от *matrone*, ведь она обде-
ляет ею свою дочь, которую мы должны искать прямо сейчас.

– Когда Леуррессы готовятся стать Перевозчицами, я рас-
сказываю им об угрозе, которую представляют Скованные
души. И вчера вечером мы разговаривали об этом с Аилес-
сой.

Я хмурюсь. Подруга ничего не рассказывала мне об этом,
а значит, это знание считается священным.

– А теперь я хочу рассказать об этом *тебе*, Сабина.

– Но я еще не готова стать Перевозчицей.

Ярко-красные губы Одивы кривятся, отчего волосы на мо-
их руках становятся дыбом.

– Возможно, вскоре это изменится. – Она выпрямляется,
возвышаясь надо мной. – Ты знаешь, что происходит с ду-
шами недавно умерших людей, когда они слышат мелодию
переправы?

Я переминаюсь с ноги на ногу от беспокойства.

– Их души восстают из могил и обретают осязаемую фор-
му.

– Из-за чего они и становятся опасными. Но знаешь ли ты,
что происходит с душами, когда они не могут пройти сквозь
Врата Загробного мира?

Я пытаюсь представить себе Врата, о которых столько слы-
шала, но никогда не видела собственными глазами. Счита-
ется, что Врата Элары почти невидимы, а вот врата Тируса
созданы из воды. Мелодия костяной флейты влияет не толь-

ко на умершие души, еще она вызывает мост переправы, а вслед за этим открываются Врата в оба мира.

– Они не получают предназначенного им? – спрашиваю я, размышляя о Скованных душах.

Но я никогда не слышала ни об одной душе, которой бы удалось избежать переправы.

Одива качает головой.

– Все гораздо хуже. Скованные становятся агрессивными. И если Леуррессам не удастся совладать с ними, души могут сбежать и *сохранить* свою осязаемую форму. Ты понимаешь, чем это грозит?

В туннелях поднимается суматоха. Старейшины. Видимо, они уже готовы выступить.

– Скованные души возвращаются из мертвых? – выпаливаю я, сгорая от желания поскорее закончить этот разговор.

– Если бы все оказалось так просто. В мире смертных душам больше нет места, и они застревают в своем пограничном состоянии. Но это их совершенно не устраивает, и тогда они начинают искать источники силы и питаться душами живых.

Питаются? От удивления я даже забываю о старейшинах и переключаю все внимание на *matrone*.

– Но как?

– Они крадут их Огонь.

Мои глаза расширяются. Огонь Эларты – жизненная сила, заключенная в телах смертных... Но еще больше ее хранится

в Леуррессах. Лишившись ее, мы ослабеем и умрем.

– А что... что произойдет, если Скованные заберут у живого *весь* Огонь?

Одива замолкает, а ее глаза устремляются вдаль. Перья ее эполет с когтями трепещут на ветру, а одно из них цепляется за самый большой из них – вырезанный из кости совы.

– Они умирают на веки вечные. А от их душ не остается и следа.

Безграничный, всепоглощающий ужас переполняет меня, словно это мой Огонь угасает в эту секунду. То, о чем говорит *matrone*, не укладывается в голове. Это самая страшная форма убийства. Уничтожение души. Я даже не представляла, что такое возможно.

И мне становится понятно, что пытается донести до меня Одива. Вот почему потеря костяной флейты воспринимается ею намного ужасней, чем потеря дочери. И именно я за это в ответе.

– Простите меня. – Мой голос дрожит и едва громче шелеста травы.

После обряда посвящения я должна была вернуть костяную флейту на подстилку из овечьей шерсти в кедровой шкапулке. А теперь из-за меня под угрозой оказалась не только жизнь Аилессы, но и бесчисленное количество других людей. А ведь переправа должна состояться через пятнадцать дней во время новолуния.

– Что я могу сделать?

– Ты должна повзрослеть. – Одива морщится, словно ей неприятно говорить это мне. – Я была слишком мягка с тобой, Сабина. Ты уже не ребенок. И если бы ты заполучила большей костей благодати, то смогла бы сегодня одолеть свою противницу. А у Аилессы появился бы шанс на победу.

Слезы наворачиваются у меня на глазах, но я заслужила эти слова.

– Обещаю, я отправлюсь на охоту, *matrone*. – Мне следует преодолеть угрызения совести по поводу убийства животных. – Но сначала... прошу, позвольте мне помочь подруге. Позвольте отправиться со старейшинами.

– С одной-единственной благодатью огненной саламандры? – Взгляд Одивы скользит к крошечному черепу на моем ожерелье. – Ни в коем случае.

Все семь старейшин выходят во двор, чтобы выбраться из замка. Их кости благодати ярко поблескивают в лунном свете. Венок из оленьих рогов Роксаны. Ожерелье из змеиных ребер Дольссы. Серьги из кости крыла стервятника Милисенты. Кулон из лисьего позвонка Пернелль. Гребень для волос из черепа угря Надин. Колье из кабаньей челюсти Шанте. Браслет из волчьих клыков Дамианы.

Я подавляю желание спрятать свою жалкую кость благодати, когда они устремляются к туннелю, ведущему к выходу из Шато Кре.

– Прошу, *matrone*. Ведь это я сегодня была с Аилессой. И видела, на что способен ее *amouré*. Думаю, он со своими

сообщниками изучал Леурресс. Они знали, что нужно делать. Что, если они похитили Аилессу? – Как бы ужасно это ни звучало, останется надежда, что она еще жива. – Что, если старейшины не смогут найти ее?

– Если они не смогут ее отыскать, в этом нет ничего страшного. – Одива хмурит брови так, что те нависают над ее пронзающими глазами. – Я отправлюсь на ее поиски сама. Аилесса кровь от моей крови, кость от моих костей. Между матерью и дочерью существует связь, которую не в силах объяснить даже боги.

В груди разливается боль от ее слов и желания испытать подобную связь. Мама называла меня *mon étoile*. Моя звездочка.

– Я воспользуюсь этой связью, чтобы отыскать ее. И спасу свою дочь. – В ее голосе слышится спокойствие и уверенность. – Аилесса жива. Я чувствую это.

Настороженный вдох наполняет мои легкие.

– Правда?

– Правда. – Одива улыбается, но улыбка не отражается в ее глазах. – Отправляйся спать, Сабина. До утра твои раны должны исцелиться. А завтра отправляйся на охоту за новыми костями благодати. Богам потребуется твоя помощь намного раньше, чем ты думаешь. – Ее рука скользит к припрятанному кулону. – И я хочу, чтобы ты была готова к этому.

Я сдерживаю охватившее меня волнение под ее пристальным взглядом. Одива хочет, чтобы я стала Перевозчицей –

и ясно дала это понять, — но у меня возникло неприятное чувство, что она потребует от меня нечто большее. Чего-то, что мне совершенно не понравится.

— Аилесса выживет, — успокаивает она меня. — Я обладаю силами пяти костей благодати и позабочусь об этом. Так что не вздумай отправиться за ней. — В ее голосе слышится уверенность и решимость. — Оставь заботы о дочери мне.

Одива отворачивается, давая понять, что разговор окончен, а затем возвращается к месту, где молилась до моего прихода. Она начинает напевать незнакомую мне песню. Я не могу разобрать слов, но улавливаю имя Аилессы. *Matrone* поднимает руку к своей короне и черепу летучей мыши, после чего разрезает палец о ее зубы и капает кровь на известняк на полу, где Леуррессы выгравировали лицо золотого шакала Тируса в изгибе серповидной луны Элары. Я никогда не видела и не слышала о подобном ритуале.

Черные как смоль глаза *matrone* медленно скользят по мне, пока ее кровь заливает изображение на полу.

— Спокойной ночи, Сабина.

— Спокойной ночи, — отзываюсь я, чувствуя, как дрожат колени.

Она поворачивается ко мне спиной и вновь начинает молиться, но и в этот раз ее ладони, соединенные вместе, обращены к земле. Меня пробирает сильная дрожь, и я спешу прочь.

Но, оказавшись в своей комнате, тут же хватаю лук и кол-

чан со стрелами. Я не собираюсь спать, потому что вряд ли смогу уснуть и буду ворочаться и крутиться на постели. Вместо этого я пробираюсь к боковому туннелю, ведущему мимо внутреннего двора к выходу из Шато Кре.

Прижимая руку к раненому боку, я со всей возможной скоростью устремляюсь к лесу. И только удалившись от замка на пару километров, наконец останавливаюсь. Сжав свою кость благодати от саламандры, я привязываю ее к ожерелью Аилессы, а затем застегиваю его на шее и плече, давая безмолвную клятву.

Я спасу тебя, Аилесса.

Я не могу полагаться на старейшин или Одиву. Тем более *matrone* больше заботит пропажа костяной флейты.

Когда я начинаю свой путь к Кастельпонту, Огонь Элары вместе с мужеством наполняют мое сердце. И моя решимость усиливается. Я отыщу флейту в русле реки, а потом отправлюсь на охоту в лес. Если для спасения подруги мне необходимы кости благодати, значит, я убью двух животных. И в этот раз не стану лить по ним слезы.

Я стану такой же сильной, как Аилесса.

11. Аилесса

Будь проклят Бастьен и каждая косточка в его теле.

Мне ничего не видно сквозь повязку, что он завязал на моих глазах. Нога цепляется за корень дерева, – а может, это просто камень, – и я лечу вперед. Но он хватает меня раньше, чем тело встречается с землей. Восстановив равновесие, я вырываю руку из его железной хватки.

– Отпусти меня!

Но он этого не делает, а продолжает удерживать меня с тех пор, как мы покинули Кастельпонт... с тех пор, как моя попытка убить его провалилась.

Унижение опалает щеки. Мама никогда больше не поверит, что я на что-то способна. Но что ужаснее, я не только лишилась своих костей благодати, но и потеряла костяную флейту. Сабина вернется за ней – и это единственное, что утешает меня, – но перед глазами то и дело встает образ разъяренной матери, пока подруга рассказывает ей, что случилось.

Я изо всех сил стараюсь удержаться на ногах, пока Бастьен тащит меня через лес. Двое его друзей идут вместе с нами, помогая охранять меня. Марсель шагает впереди, а Жюли замыкает процессию. Их шаги звучат громко и неуклюже. Паренек шаркает при ходьбе, а Жюли прихрамывает из-за полученной раны. *Спасибо за это, Сабина.*

– Вы вступили в игру, которую вам никогда не выиграть, – предупреждаю я их. – Будь у вас хоть капля здравого смысла, вы бы отпустили меня, пока еще есть такая возможность. Мама наверняка отправится на мои поиски, и вам не захочется сталкиваться с ее гневом.

Бастьен сжимает мою руку крепче, отчего она тут же начинает покалывать от онемения.

– Если твоя мать захочет тебя вернуть, ей придется отправиться на нашу территорию.

– Ты действительно думаешь, что сможешь спрятать меня? – усмехаюсь я. – Что бы ты там себе ни придумывал, не существует такого места, где меня не найдет моя мать.

– Именно на это я и рассчитываю.

Мы резко останавливаемся, так и не выбравшись из леса. Последние полтора часа я пыталась отслеживать наш путь и подсчитывать шаги, но мы слишком часто меняли направление. Даже спускались в ручьи и ходили там как по течению, так и против течения. Бастьен пытается сбить меня с толку, и, стоит признать, без благодати сокола, акулы и горного козла у него это получилось. Может, он боится, что мать может видеть моими глазами – что невозможно – и думает, что подобная тактика поможет ему скрыться? *Глупец.*

– Ты первая, Жюли, – говорит Бастьен. – А затем поймешь Костяную волшебницу.

– Как по мне, пусть мучается сама.

Я вздрагиваю, услышав ее скрипучий и низкий голос пря-

мо у себя за спиной. Будь у меня акулий зуб, я бы почувствовала, насколько близко она стоит. Но моя кость благодати теперь в ее распоряжении, о чем она не забывает напоминать, когда не ноет о своей раненой ноге. Надеюсь, она отвалится.

– Сейчас главное – затащить ее глубоко под землю, – отвечает Бастьен.

Под землю? В груди все сжимается от этой пугающей мысли. Внутренний двор Шато Кре хоть и находится под землей, но открыт ночным небесам Эллары и ветру с моря Нивоус.

– Куда ты меня ведешь?

Его пряный аромат ударяет в нос, когда Бастьен придвигается ближе.

– В катакомбы. И позволю тебе догадаться самой, через какой из входов.

Сердце колотится в груди. По слухам, катакомбы имеют несколько входов, а некоторые секции вообще не соединяются с другими и заканчиваются тупиками.

– Ты не можешь... *Я* не могу...

Я зачехну без лунного и звездного света, моих последних источников силы. Нужно убираться отсюда. Прямо сейчас.

Я толкаю Бастьена в грудь. Его хватка ослабевает, давая возможность сбежать... но спустя четыре шага он вновь ловит меня. Схватив меня за вторую руку, он заламывает ее за спину, вынуждая охнуть от боли.

Воздух наполняет его смех.

– Ты был прав, Марсель, – говорит он пареньку, стоящему

чуть впереди.

– Я? – отзывается Марсель. – Вернее, я всегда прав, но что конкретно ты имеешь в виду?

– Костяные волшебницы получают магию не только из костей. – Самодовольство так и сочится в голосе Бастьена. – Они также порождение ночи.

– Ах, ты об этом... – равнодушно говорит Марсель. – Отчасти поэтому они и поклоняются Эларе. Потому что питаются светом звезд и луны.

Похоже, его не питает злоба, как Бастьена и Жюли, толкающая на убийство или желание лишить меня остатков моей магии. Но кто знает, вдруг его апатия всего лишь маска?

– А лишившись их, – добавляет Бастьен, перехватывая мою руку и слегка распрямляя ее, – наша принцесса станет приманкой для своей королевы.

– Приманкой? – переспрашивает Жюли с настороженностью в голосе. – О чем ты?

Я стиснула зубы, прекрасно понимая, что Бастьен имел в виду.

– Это и есть твой грандиозный план? – Я повернулась лицом к нему. – Воспользоваться мной, как приманкой, чтобы убить мою мать? Но как? Тебе не удастся украсть ее кости благодати, – они у нее лучшие среди всех представительниц нашей *famille*. – Собрав всю свою жестокость, я отразила ее в натянутой улыбке. – Она от тебя и мокрого места не оставит.

– Бастьен... – тихо произносит Жюли у меня за спиной. –

Может, не стоит этого делать?

Но я чувствую, как он ошетиливается.

– Я все *обдумал*. Наши отцы заслуживают большего, чем смерть случайной Волшебницы костей. Мы должны остановить жертвоприношения раз и навсегда. И самый лучший способ сделать это – убрать королеву. Отрубить гадюке ее голову. – Его голос смягчается нотками отчаяния. – И это наша лучшая возможность, Жюли.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

– А когда-то было не так?

– Шутник, – фыркает она.

– Давай продолжим путь, – просит он. – Мы почти добрались.

Девушка обходит меня, задевая меня своим плечом. Я стискиваю челюсти и, замахнувшись, ударяю ее по голени. Тут же раздаются проклятия. Видимо, я угодила по раненой ноге. *Отлично.*

Но через мгновение левую щеку опаляет вспышка боли. Я отшатываюсь назад, пытаюсь побороть головокружение.

– Осторожней, Костяная волшебница, – предупреждает меня Жюли.

Я поднимаю подбородок, жалея, что не могу сорвать повязку и посмотреть на нее. Я едва знаю эту девушку, но уже ненавижу ее. Жюли причинила боль Сабине. И я этого не забуду.

Хромая, она уходит прочь. Раздается несколько шагов, а

затем повисает тишина. Неужели она пробралась в катакомбы?

Меня охватывает новая волна паники. Бастьен дергает меня вперед, но я сопротивляюсь и пытаюсь вырваться из его хватки.

– Ты следующая.

Я не могу туда войти. И не пойду. В отчаянии я наступаю ему на ногу. Но он тут же хватается меня за горло и сжимает пальцы. Вздохнуть не получается. Я начинаю вырваться сильнее.

– Прекрати сопротивляться! – Его голос дрожит от напряжения. – Или я причиню тебе такую боль, что ты станешь молить о смерти.

Нет смысла сомневаться в его словах. Кровь приливает к голове, но я не собираюсь сдаваться. А вместо этого сжимаю его запястье. Царапаюсь. Брыкаюсь. Стискиваю губы, чтобы изо рта случайно не вырвалось: «Пожалуйста». Я не стану молить. Ему не украсть у меня самоуважения, как он это сделал с благодатью.

– Эм, Бастьен? – медленно произносит Марсель, словно его не волнует происходящее. – Думаю, она прекрасно тебя поняла.

Но тот лишь сильнее стискивает пальцы. Мои глаза слезятся. А шея, кажется, вот-вот сломается. Думаю, он решил покончить со мной прямо сейчас. «Давай же», – мысленно взываю я, чувствуя, как добралась до грани, за которой сле-

дует обморок. Ведь если он убьет меня, то тут же последует за мной.

– *Merde*, – выдыхает он, словно ему в голову пришла та же мысль.

И отпускает мое горло.

Я падаю на колени и жадно втягиваю в себя обжигающий легкий воздух. Но Бастьен не дает мне прийти в себя, а тут же поднимает на ноги и тащит вперед.

Как только мы преодолеваем несколько шагов, земля круто уходит вниз. Колени щекочет высокая трава. Это не вход в катакомбы, а склон какого-то утеса или ущелья. Но прежде чем земля под ногами выравнивается, левая нога проваливается в какую-то нору.

– Поставь туда вторую ногу, – подпихнув меня, указывает Бастьен. – Это вход. Мы пришли.

Я вновь пытаюсь вырваться из его хватки, но он сильнее стискивает пальцы.

– Хорошо. Я спущусь, – говорю я.

Он медленно отпускает меня, но не отступает, оставаясь рядом со мной. Я вздергиваю подбородок. Бастьен считает, что я ни на что не способна без своих костей благодати. Значит, придется доказать, что он не прав и не лишил меня мужества.

Я ставлю обе ноги в дыру и опускаюсь на колени, чтобы проскользнуть в нее вперед головой.

– Нет, – останавливает меня Бастьен. – *Ногами вперед*,

иначе сломаешь себе что-нибудь.

Я подавляю рычание. Если это какая-то уловка, он поплатится за это.

Я делаю последний вдох и стараюсь впитать как можно больше лунного света. Надеюсь, его холодная энергия продержится под моей кожей достаточно долго, чтобы помочь мне выжить в темноте.

А затем проскальзываю в нору.

Здесь тесно. Приходится вжиматься спиной в землю. И как только голова скрывается в норе, я с трудом сглатываю ком в горле. Мне и раньше приходилось пробираться по узким туннелям. Пещеры под Шато Кре кишат ими. Но я никогда не делала это ногами вперед и в компании трех людей, которые жаждали моей смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.